

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Отпусти
своего демона

Татьяна Коган
Отпусти своего демона
Серия «Чужие игры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748190

Коган, Татьяна Васильевна. Отпусти своего демона : [роман]: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80287-6

Аннотация

Прошло уже два года, но психотерапевт Иван Кравцов никак не мог забыть медсестру из немецкой клиники, где ему восстанавливали зрение. Ему мучительно хотелось увидеть Гретхен, и наконец Иван, не выдержав, снова полетел в Мюнхен. Они встретились так, словно и не расставались. Иван не испытывал ничего подобного ни с одной из женщин! Несколько омрачал их отношения только Стефан, брат-близнец Гретхен. Почему он ведет себя так странно, будто ревнует сестру? Однажды Иван приехал к любимой, но не застал ее дома, и Стефан предложил немного выпить. Очнулся Кравцов со связанными руками в странной белой комнате, похожей на операционную...

Содержание

От автора	5
Сейчас	6
Тогда	10
Сейчас	23
Тогда	34
Сейчас	47
Тогда	60
Сейчас	71
Тогда	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Татьяна Коган

Отпусти своего демона

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

От автора

Выражаю сердечную благодарность прекрасной четверке, помогавшей мне в работе над серией «Чужие игры»:

Светлане П., за ее изящные идеи и вкусные детали, сделавшие картинку ярче;

Николаю Н., за его суровые мужские знания, которых не найдешь в интернете;

Эдуарду Ш., за вдохновляющую поддержку, благодаря которой я не вешала нос;

Евгению К., за то, что не позволял злоупотреблять «пистолетиком» там, где можно обойтись простым кулаком.

Сейчас

Утро выдалось морозным и ясным. Выпавший накануне снег мягко светился, источая в окружающее пространство белесое сияние. На кладбище было безлюдно – только одинокая фигура мужчины, стоявшего возле одной из могил, несколько нарушала царивший покой.

Мужчине было за тридцать. Его красивое, с правильными чертами лицо выражало сосредоточенную задумчивость. Он стоял неподвижно, сунув руки в карманы дорогого пальто, лишь изредка поводя плечами – будто сбрасывал накатывающее оцепенение.

– Все-таки пришел? – раздался за его спиной женский голос. – Я и не надеялась, что ты прослушаешь голосовую почту.

– Прости, Елизавета. – Мужчина развернулся, улыбкой приветствуя подругу. – Я слушаю все сообщения, просто у меня не всегда есть возможность ответить немедленно.

– Ладно, Ваня, забей. – Женщина подняла руку с бутылкой вина и потрясла ею в воздухе: – Выпьем?

– Конечно.

Несколько минут они стояли безмолвно, отхлебывая спиртное прямо из горлышка.

– Уже больше года прошло, – наконец произнес Иван.

– Год и три месяца, если быть точным.

Снова повисла пауза.

– Знаешь, я думала, что никогда не смирюсь. – Лиза мрачно усмехнулась. – Первое время вообще не верила. Даже когда убедилась в их смерти – все равно не верила. Представляла, что это какое-то недоразумение. Ведь невозможно такое, чтобы в моей жизни больше не было Макса. Да и Глеба тоже – пусть мы с ним и грызлись в последние годы. Но Макс – это особая тема, ты знаешь. Бывали периоды, когда мы с ним ссорились и не общались месяцами, но я все равно чувствовала, что он рядом и никуда не денется. А он делся. – Лиза отпила очередной глоток и помолчала. – Не было совершенно никакой возможности существовать без него. А я существую. Мне жаль, так жаль, что они погибли. Но все проходит. Жизнь продолжается. Понимаешь?

– Я понимаю. – Он погладил рукав ее пальто. – И сам чувствую нечто подобное. Иногда мне кажется, что все это случилось недавно, а потом смотрю на календарь...

– А мне, наоборот, чаще кажется, будто прошла уже целая вечность. И я живу без них долгие десятилетия. Какую-то другую жизнь. – Лиза смахнула с могильной плиты снежную шапку и процедила: – Какое идиотское надгробие! Его женошка не могла установить нормальный памятник!

– С памятником все в порядке. Просто ты скучаешь...

Иван тоже скучал. Они дружили со школьной скамьи и никогда не предполагали, что их компания распадется. Раздоры случались – чем дальше, тем чаще, но особенная связь,

державшая товарищей вместе, не ослабевала. Они натворили немало дел. Как ни крути, они умели развлекаться. Святых из себя не строили. Нарушали закон, переступали через мораль. Они жаждали веселья. Для двоих друзей это веселье обернулось трагедией.

Прошлый год выдался для Ивана тяжелым. Сначала он потерял зрение и долго лечился в Германии. Несколько операций, долгая реабилитация, почти утраченная надежда. И наконец благополучный исход. Он даже не успел как следует порадоваться – весть о смерти товарищей ударила обухом по голове. Застрелены один за другим с интервалом в пару часов неподалеку от офиса, где работал Максим. Улик нападавший не оставил. Внятных версий произошедшего следствие до сих пор не обнародовало.

Джек знал, что убийцу не найдут. И Лиза тоже знала.

– По крайней мере Глебу я поставила приличное надгробие.

– Ему это безразлично, Елизавета.

– А мне нет.

Она вскинула на Ивана изучающий взгляд:

– Мы с тобой сто лет не виделись. Пойдем, посидим где-нибудь? Или работа?

– Работа. Но пойдем посидим.

Порыв холодного ветра заставил Лизу поднять песцовый воротник длинного черного пальто. Она обхватила предложенную Иваном руку, и они медленно двинулись по тропинке.

ке, ведущей к воротам.

Тогда

Свет стремительно прорезал темноту ночи, мчась по улицам так, словно от этого зависела его жизнь. Он перелетал через ограждения, люки, перила, прыгал то вперед ногами, то головой, приземлялся на ноги, на руки, перекатывался через плечо, чтобы погасить инерцию прыжка, и снова устремлялся вперед. Он двигался по городу, будто не стояло на пути ни домов, ни машин, ни заборов. Город был прямым бесконечным шоссе. Границ не существовало – только препятствия. А препятствия Свет давно научился преодолевать.

Белые кроссовки мелькали двумя нервными пятнами, перемещаясь из плоскости в плоскость. Двадцать метров по мокрому асфальту, два шага по лавке и мощный толчок – напрямик на тонкие перила подъезда, оттуда – на козырек над дверью и сразу же – на пожарную лестницу. Вскарabкаться на третий этаж, протиснуться в узкий проем между стенами, подтянуться, сделать выход на руки, взобраться на крышу. И снова бежать – быстро, бесшумно, мягко.

Не бог весть какая высота, но видно отлично: и сонные дороги, и темные окна домов, и сереющее на горизонте небо.

Сердце пропустило удар – впереди опаснейший участок. Главное – не замедляться, нарастить темп. Оттолкнуться от самого края, чтобы выиграть лишние сантиметры.

Раз, два, три!

Пропасть в два этажа ударила в лицо сырой пощечиной. А дальше – как в замедленной съемке. Невесомость, почти неподвижная. И пространство, с которым сливаешься в единое целое, становишься на какой-то миг бестелесным, бес- смертным.

Бум!

Резкий удар, комок в горле, кувырок, еще один кувырок. Крыша гаража скользкая, но хорошо амортизирует.

Свет поднялся на ноги, сглотнул противный комок, отступил на несколько шагов для разгона и устремился к самому краю. Оттолкнулся правой ногой и выпрыгнул вперед-вверх, сгруппировавшись и выполняя сальто в противоположную от прыжка сторону.

Приземлился с авербаха идеально на носочки, даже ролл не понадобился.

Впереди оставалась половина намеченной дистанции.

Артем Светлов, он же Свет, он же Темыч – молодой парень в темных штанах и серой ветровке, с короткой стрижкой черных волос и с черными глазами, отражавшими отблески фонарей, – рванул с места.

Артем не знал точно, когда именно он решил заняться паркуром. Помнил только, как шесть лет назад случайно посмотрел фильм «Ямакаси» – о команде трейсеров, сделавших город своей игровой площадкой. Это было весело, но совсем не похоже на правду. Парни карабкались по отвесным стенам, перепрыгивали через барьеры, взлетали по

лестницам – словом, здорово проводили время. Для подростка такой досуг казался привлекательным. Но Свет был достаточно разумным подростком, чтобы понять: в реальной жизни такого не бывает. Понять-то понимал, но все равно полез в интернет, узнать детали. Тогда-то и прочитал информацию о паркуре – умении рационально передвигаться в любых обстоятельствах на любом рельефе.

Статья за статьей, фильм за фильмом, форум за форумом – и спустя пару недель Артем осознал, что тысячи людей по всему миру практикуют и совершенствуются в паркуре. В его родном городе на тот момент было несколько действующих секций и даже парочка специальных залов. На первую тренировку шел неуверенно: спортом он никогда не занимался, физическая подготовка оставляла желать лучшего. Боялся, что не справится с элементарными упражнениями и будет с позором выдворен прочь. На удивление, встретили новичка тепло. Подробно объяснили, с чего начинать, показали базу, объяснили, как укрепить форму.

На следующий день Артем еле поднялся с кровати: не подготовленное к нагрузкам тело ныло и отказывалось служить. Тогда-то в нем и проснулась злая холодная уверенность, что он непременно одолеет эту науку. Вылезет из кожи вон, но станет хорошим трейсером.

На финише Свет ускорился. Обогнул остановку, свернул в знакомый двор с одноэтажными хозпостройками и старой детской площадкой. Подпрыгнул, оттолкнулся ногами от

кирпичной стены, схватился за соседнюю стену, подтянулся, сделал выход, пробежал по бортику крыши, спрыгнул в песочницу, нырнул между планками шведской стенки и рванул по прямой в переулок, где стоял его дом.

У подъезда перешел на медленный шаг, достал телефон. Три километра за пятнадцать минут. Неплохо. Пятиминутный отдых, и повторить.

С момента первой тренировки минуло несколько лет, и Свет стал не только хорошим трейсером. Он стал одним из лучших.

Сделал пару глубоких вдохов, потряс ногами, расслабляя мышцы, и отправился на второй круг. Тренировку закончил утомительной серией подтягиваний на турнике.

Домой вернулся за полночь. Поднялся в квартиру, стараюсь не шуметь – истеричная престарелая соседка только и ждала повода, чтобы поскандалить. На кухне включил чайник, изучил содержимое полупустого холодильника и повалился на матрас на полу с телефоном и булкой в руке.

Пока закипала вода, смотрел в ютьюбе новые паркур-видео. Отмечал нестандартные связки и элементы. Радовался, когда известные трейсеры исполняли трюки, которые он сам уже давно практиковал.

На первой секции по паркуру Артем подружился с Данилой, своим ровесником. Все ребята оказались постарше, лишь им двоим было по четырнадцать. Несмотря на юный возраст, чувствовал себя Данила в коллективе прекрасно,

имея за плечами спортивное прошлое. Родители отдали маленького сына на акробатику и до недавних пор надеялись на его успешную карьеру в этой области. Однако, выполнив кандидата в мастера спорта, Данила утратил интерес к акробатике. Скандалы и увещевания не помогли – он увлекся паркуром. Немудрено, что в секции он исполнял опасные элементы лучше большинства ее членов.

Артем взирал на Данилу с таким восхищением, что тот сам подошел и сам же предложил поднатаскать его в акробатике. Первое сальто, корявое и стоившее невероятных усилий, Артем сделал спустя два месяца. А потом стало полегче.

Денни – так величали Данилу товарищи – здорово подтянул новобранца. Иногда оставался с ним после тренировки – благо зал простаивал свободным – и помогал оттачивать рондаты, сальто, бланши. Удивлялся, как Свет быстро и легко все схватывал. Они тогда крепко сдружились...

Электрический чайник выключился. Артем неохотно отложил мобильный, сделал себе чай и, усевшись на широкий подоконник, оглядел комнату.

Квартира была так себе. А точнее, дерьмовая была квартира. Выцветшие и кое-где ободранные обои, облупленный потолок, потемневший от старости и сырости пол. В щели в рамах пробирался сквозняк, и если летом это не доставляло неудобств, то зимой становилось свежо и неуютно. Мебель состояла из стола, стула и кресла. Кровати не было, только матрас. Артем предпочел бы жить в более комфортных усло-

виях, но пока возможности не было. Не бог весть какое, зато отдельное жилье. Тем более есть у этой квартиры главный плюс – она располагается в промышленном районе, идеальном для тренировок в паркуре. Он переехал сюда два года назад, едва дождавшись своего совершеннолетия.

Отец с матерью закатили истерику с пьяной бранью, битьем посуды и ломанием мебели, но к этому Артем уже привык и научился не обращать внимания. Собрал большую спортивную сумку – все свои пожитки – и хлопнул дверью. О родителях предпочитал не вспоминать – иначе невольно начинал злиться. У большинства его одноклассников было нормальное детство – с походами в цирк и кино, с празднованиями дня рождения, с мандаринами на Новый год. А у него... У него было не так.

Сначала отец пьянствовал один, потом мать втянул. Жизнью ребенка родители интересовались чисто символически и преимущественно во время похмелья. Вряд ли Артем когда-то забудет, как по утрам злой и угрюмый отец внезапно вспоминал о родительском долге и требовал дневник. И если находил тройки (а тройки присутствовали всегда) – хватался за ремень. Сперва Артем терпел. Но когда занялся паркуром, стал давать отпор. С тех пор отношения накалились еще сильнее. Он и в институт умудрился поступить, лишь бы поменьше находиться дома. Потом устроился программистом на полставки и смог позволить себе аренду квартиры. Мать регулярно звонила, плакала, пыталась подсунуть

какие-то деньги. Артем из принципа не брал. И все глубже проникался идеей чего-то добиться в жизни и обрести настоящую независимость.

Хорошо, что друзья у него настоящие. Без их поддержки он бы уже сто раз сломался.

Зазвонил мобильный. Свет взглянул на номер и улыбнулся: помяни черта.

– Эй, ты уже готов? – проорал в трубку Никита. – Ты не забыл, что сегодня клуб? Мы подъехали, ждем с Полимером внизу.

– Не забыл. Я только с пробежки пришел. Дайте мне пять минут, в душ схожу.

На заднем фоне послышалась женская речь, и Никита перевел в трубку:

– Пол говорит, что ты со своими тренировками скоро в киборга превратишься. Давай быстрее, мы подниматься не будем.

Приятель сидел за рулем, энергично трясая головой в такт музыке. Рядом расположилась милостивая шатенка с зелеными глазами. Она приветливо помахала Артему рукой и толкнула водителя в бок:

– Возвращайся в реальность. Отчаливаем!

Артем запрыгнул на заднее сиденье, и машина резко рванула с места.

Пока ехали, успели обменяться свежими новостями. Когда видишься каждый день, новостей масса, – только успевай

рассказывать.

У клуба толпился народ. Никита проворно подскочил к знакомому охраннику, перекинулся парой фраз, кивнул на друзей, и их благополучно пропустили внутрь. Трижды в неделю Никита диджеил в этом клубе и имел право проходить бесплатно и проводить с собой гостей.

Для них нашлось укромное местечко за столиком в углу напротив бара. Полина заказала себе коктейль, а парни пиво. Пил Артем крайне редко, обычно обходился безалкогольным.

– Так чем, ты говоришь, закончилась твоя вчерашняя ночь? – перекрикивая музыку, спросил он Никиту.

– А тем, что та с пятым размером согласилась поехать ко мне, но, поскольку никакой хаты у меня нет и не было, пришлось изобразить страсть и раскрутить ее прямо в машине.

– А после этого Никитке внезапно позвонил друг и срочно попросил о помощи, – хихикнула Полина, помешивая трубочкой в бокале.

– И ты как преданный товарищ был вынужден оставить даму, – подвел итог Артем.

– Ну да. Я же настоящий друг. Полимера нужно было до дома довести, – рассмеялся Никита.

– А как ты рассчитала, когда нужно звонить?

Полина повела плечами:

– Не первый год знакомы. О физиологических способностях Ники я отлично осведомлена. Достаточно то время, о

котором он заявляет, разделить на пять.

Все трое заржали.

Их маленькая компания сложилась еще в школе. В последних классах, когда все стали задумываться о поступлении, они выбрали один институт, а парни – даже один факультет. Вместе было проще готовиться к экзаменам, да и своей компанией вливаться в новую среду всегда легче. Учились в главном корпусе и на переменах вместе обсуждали однокурсников, делились впечатлениями. А поскольку жили в одном районе, часто и домой возвращались втроем. Артем и Никита учились на факультете программирования, Полина – на художественно-графическом, но поговорить им всегда было о чем.

Полимер вообще девчонка особенная – вроде и не пацанка, а все равно свой парень. С ней и посоветоваться о девочках всегда можно, и рекомендацию получить. Порой она даже сама подсказывала, к какой из ее одноклассниц реально подкатить. Полина носила джинсы и кроссовки, но выглядела женственно: длинные волосы, серьги, покрашенные ногти. Но вот что странно: несмотря на ее привлекательность, у Артема и Никиты никогда не возникло соблазна закрутить с ней роман. Это же Пол, Полимер. Кореш. Как можно?

– Кстати, какие у вас планы на следующую субботу? – спросила Полина, продолжая поигрывать соломинкой. – Меня пригласили поработать на арт-мероприятии, и там нужны парни с хорошим телом.

– Опять размалевывать нас будешь? – заинтересованно хмыкнул Никита.

– Не размалевывать, а творить искусство. Не надо недооценивать боди-арт. – Она сделала на телефон снимок бокала с коктейлем и тут же разместила в инстаграмме. – Так свободны вы или нет? Я могу вас в модели записать. Разумеется, не бесплатно. Заплатят, как в прошлый раз.

– Вечером и ночью я играю в клубе. На день планов нет. Так что вверяю свое тело в твои творческие ручки.

– А ты? – Подруга повернулась к Артему. Тот пожал плечами:

– В субботу я не работаю, а лишние деньги никогда не помешают.

– Фу, какие вы меркантильные.

Свет тут же исправился:

– Хотя деньги – это дело десятое. Мною движет исключительно желание помочь подруге.

– Ну да, ну да. – Ехидная усмешка скривила ее губы. – Вот заберу ваш гонорар себе и посмотрю на вашу реакцию.

Никита кашлянул в кулак:

– Эм... Ты это... Глупости-то не говори.

Артем засмеялся, за ним остальные.

Полина периодически участвовала в различных шоу и семинарах по боди-арту, театральному гриму и мейкапу и подтягивала туда приятелей. Делала это исключительно из благородных побуждений, давая парням шанс получить неза-

планированную прибыль. Конечно, платили крохи, но на кроссовки «Календжи» и широчи АндерВейс Артему хватало.

Из них троих Полимер, пожалуй, крепче всех стояла на ногах. Она твердо знала, в какой сфере хочет работать и кем стать в будущем. Она планомерно и методично шла к своей цели, и, надо сказать, у нее здорово получалось. Она училась на четвертом курсе, но уже имела определенную репутацию в художественных и артистических кругах.

Артем с Никитой подобным здравомыслием похвастаться не могли. Точнее, Никита проявлял относительно сносную адекватность, собираясь-таки идти по стезе программирования, а вот Свет демонстрировал полную оторванность от реалий. Он неплохо разбирался в компьютерах и понимал, что эта профессия способна прокормить. Но не испытывал ни малейшего энтузиазма по этому поводу. Он страшился думать о том, что его будущее ограничится тесными стенами офиса и корпоративной политики, что жизнь его будет течь по графику дом-работа-дом, исключая свободу передвижения и спонтанность, что в конечном итоге у него попросту не останется ни времени, ни сил на паркур.

Для непросвещенного человека паркур – незрелая забава, обезьяньи прыжки, суетливая беготня. Сколько раз Свет слышал брошенные вслед окрики «наркоман», «быдло», «хулиган». Для обывателей широкие штаны – как тряпка для быка. А уж если еще по стенам лазишь – то все, кон-

ченный. И ведь не объяснишь им, что широкие штаны не ско-
вывают движений, а по стенам ты не просто лазишь, а ищешь
быстрый способ преодолеть препятствие. И пока кто-то ждет
автобус или стоит в пробке – умелый трейсер найдет нестан-
дартный путь и первым попадет в пункт назначения.

– Че-то Темыч пригрузился. – Никита сложил ладони и
немилосердно гаркнул в ухо приятелю: – Проснись и пой!

– Придурок, – беззлобно откликнулся тот. – Энергии мно-
го?

– Ага, что-то прет меня сегодня. Пошли, Пол, взорвем
танцпол.

– Рифмами заговорил, поэт. – Подруга встала из-за стола,
приказала Свету сторожить ее сумку и поволокла Никиту в
гущу дергающейся толпы. Звать Артема не имело смысла –
красиво двигался он только на полосе препятствий. Он удоб-
нее устроился на диване и стал следить за тем, как друзья
отрываются под музыку. Потанцевать они любили, что и го-
ворить. Иногда такие шоу устраивали, что зрители расступа-
лись и аплодировали. Они вообще во многом были похожи
– удивительно, как до сих пор не сошлись. У Полины был на
это простой ответ: для любви и страсти нужны различия и
конфликты. Любить самого себя, только в другом облике, –
скучно и неинтересно.

Полина запрыгнула на Никиту. Держась одними ногами за
торс, откинувшись назад – ее длинные волосы коснулись по-
ла, белая майка задралась, обнажая упругий живот. Сегодня

друзья скромничали.

Артем достал мобильный и посмотрел время. До принятия решения оставалось сорок шесть часов.

Сейчас

За стеклом иллюминатора простиралась сверкающая белая пелена. Солнце било в глаза, но Джек и не думал прикрывать шторку. После унылого московского февраля столь жизнерадостная картина казалась особенно привлекательной. Салон был полупустой, рядом два свободных места, никто не бубнил под ухом, не храпел, не слонялся по проходу. Кравцов поставил на кресло сумку с ноутбуком и достал из бокового кармана тонкую кипу фотографий.

Вот на стуле возле барной стойки сидит Глеб и улыбается в камеру, рядом на диване вальяжно развалился Макс.

А вот и другой кадр – Лиза стоит в проеме двери и осуждающе смотрит на ржущего Макса. А вот Глеб – курит возле окна.

На следующей фотографии Лиза затягивается сигаретой Глеба.

Последний снимок смазан – Джек пытался запечатлеть вид из окна, но рука дрогнула, и в итоге получилось месиво из городских огней и темного неба.

Это была их предпоследняя встреча. Потом они встретились вчетвером лишь один раз, на его дне рождения.

Джек тогда только вернулся из Германии после удачной операции на глазах, и друзья пришли навестить его. Он воспользовался случаем, чтобы отщелкать допотопный пленоч-

ный Kodak, найденный в гараже у отца. После встречи положил фотоаппарат в ящик стола и благополучно позабыл. Лишь пару недель назад, разыскивая нужные документы, наткнулся на камеру. Отнес в салон, проявил пленку и напечатал снимки.

Так странно видеть знакомые с детства лица, помнить привычки каждого и понимать, что их больше не существует. Макс не расскажет анекдот, Глеб не закурит. С ними никогда ничего не произойдет. Теперь любое их движение, каждый шаг зависит от чьих-то воспоминаний. Они стали призраками – яркими, но неживыми проекциями самих себя.

О гибели друзей Джеку сообщила Елизавета. Не выдержала долгого молчания Макс и позвонила ему домой...

Джек не испытал шока. Не заметался в бессильной злобе. Не замкнулся в себе. Он как-то сразу принял произошедшее, словно давно к этому готовился. Возможно, сработал профессиональный эффект: психотерапевт Кравцов так долго учил своих пациентов переживать потери, что машинально включил правильную программу, когда потеря коснулась его самого.

Джек знал: наименее рациональный путь – рефлексировать о случившемся. Задавать вопросы. Визуализировать то, чего лишился. Сожалеть.

Нужно было по максимуму загрузить себя работой, чтобы на деструктивные мысли не оставалось сил. Что ж, у него это здорово получилось. Почти два года он не брал отпуск,

не летал к родителям, не позволял себе развлечений. Чувствовал: еще не время. Боль утихла, но рана не затянулась. И он ждал, покорно и терпеливо, продолжая вкладывать всю энергию в практику и работу в клинике.

В какой-то момент понял: отпустило. Страх остаться наедине с эмоциями исчез. Иван сделал выдох и разрешил себе осознать, оплакать, отпустить. Печаль усилилась, разрослась, растеклась по организму. Но эта печаль не отравляла, не разъедала изнутри. Она просто присутствовала, как присутствуют в сердце сотни других эмоций.

Очень жаль, что двух близких друзей больше нет. Им было весело вместе. Не всегда просто – но весело, как ни крути. Наверное, он был не самым лучшим товарищем – чаще заботился о своих собственных интересах и порой опускался до поступков, о которых с гордостью не расскажешь. Да и после гибели двух близких людей Джек даже не попытался отыскать виновника. Макс бы на его месте сделал все возможное, чтобы найти и отомстить убийце. А он... просто смирился, отпустил ситуацию. В конечном итоге ничего уже не изменишь, неведомый враг испарился и больше никому не угрожает. Так к чему дополнительные сложности? Джек дорожил дружбой. Ему будет не хватать Макса и Глеба. Но жизнь продолжается. Разумность часто граничит с малодушием. Он не питал иллюзий на этот счет.

«Уважаемые пассажиры! Через пятнадцать минут наш самолет приступит к снижению. Просьба занять свои места и

пристегнуть ремни безопасности. Спасибо за внимание», – мягкий голос бортпроводницы вывел Джека из задумчивости. Он сложил фотографии, убрал сумку под впереди стоящее кресло и откинулся на спинку. Картинка в иллюминаторе не изменилась, разве что солнце осталось позади самолета и не слепило.

Как он, оказывается, скучал по Мюнхену! По гигантскому навесу из стекла и металла на главной площади аэропорта Франца-Йозефа Штрауса. По вежливым таксистам у выхода в город. По чистому свежему ветру, рвущемуся в открытое окно автомобиля. Джек жадно вглядывался в опрятные улочки и нарядные переулки, в почти знакомые силуэты прохожих, шедших куда-то с благодушной неторопливостью... Он чувствовал, что город радовался ему, как радуется возвращению сына немногословный, сдержанный, но любящий отец.

Такси остановилось у красивого двухэтажного особняка, обнесенного невысоким вычурным забором. Джек расплатился с водителем, перекинул сумку через плечо и покатил чемодан по вымощенной дорожке, ведущей к дому.

Тихо открыл дверь, оставил багаж в прихожей и бесшумно прошел в гостиную. Он решил сделать родителям сюрприз и не предупредил о приезде.

Мать суетилась вокруг обеденного стола и не заметила его.

– Привет, мам. Как дела? – улыбнулся Джек.

Нужный эффект был достигнут. Мама на мгновение замерла, растерявшись от неожиданности, а затем всплеснула руками:

– Сынок! Ванечка! Радость какая! – и бросилась с поцелуями. – Что же ты не сказал? Мы бы тебя встретили!

Иван стойко выдержал затянувшиеся объятия и осторожно отстранился:

– Понял, что ужасно соскучился, и рванул к вам.

– Ох, как же хорошо! Ты надолго? – с надеждой спросила она.

– Не знаю. Пару недель точно побуду, а там как получится. Обратный билет не покупал.

– Отец-то как обрадуется!

– Где он, кстати?

– Он здесь, – раздался за спиной бархатный баритон. – Встречает своего сына!

Иван развернулся с улыбкой:

– Привет, пап.

– Привет-привет. – Сергей Иванович, такой же бодрый и подтянутый, как и прежде, шагнул навстречу и обнял сына. – Давненько ты к нам не навещался.

– Извини.

– Никаких извинений. Значит, не до того тебе было. Сожалею о твоих друзьях. – Сергей Иванович махнул на диван, приглашая сына сесть. – Как ты там поживаешь?

– Все нормально, пап. За те пару дней, что мы не общались по скайпу, ничего нового не произошло.

– Начинается, – нарочито обидчивым тоном заявила мать. – Сто лет вживую не виделись, а ему и рассказать нечего!

Джек чмокнул ее в щеку.

– Как обычно, мам. Я смотрю, у вас сабантуй намечается? – Он кивнул на сервированный стол.

– Да какой там сабантуй, так, отцовы коллеги придут в гости. Скучный деловой ужин с разговорами о бизнесе и политике, – весело покосившись на мужа, ответила мать. – Присоединишься?

– К скучному деловому ужину? – Джек хмыкнул. – С удовольствием!

Пару часов спустя, удалившись из-за стола под благовидным предлогом и оставив родителей в компании гостей, Джек поднялся к себе в комнату. Разобрал чемодан, принял душ, переоделся. Повалился на кровать, заложив руки за голову и уставившись в потолок. В родительском доме царило спокойствие. В родных стенах Джеку всегда становилось легче, расслабленней. Сколько бы тебе ни было лет, рядом с родителями ты всегда возвращаешься в детство.

В дверь деликатно постучали. Сергей Иванович заглянул в комнату.

– Устроился?

– Да, пап, проходи. Вы уже выпроводили гостей, что ли?

Не рано?

Кравцов-старший шагнул вперед и присел на жесткое кресло.

– Да какой там выпроводили. Вечер только начался. Ты же знаешь, как у нас бывает.

– Знаю, – засмеялся Джек.

– Вот и я о чем. Ты тут не заскучаешь? Найдешь чем заняться? – Сергею Ивановичу очень хотелось поговорить без спешки по душам, расспросить о многом, – но сейчас был не самый подходящий момент.

– Не переживай. Когда это мне было скучно в компании с таким интересным человеком, как я сам? – Иван встал с кровати и бросил взгляд в окно на заиндеветые ветви деревьев. – К тому же я, наверное, пойду прогуляюсь по городу. Спать еще рано.

Сергей Иванович лукаво прищурился:

– Конечно, сходи, развейся. Если нужна машина, ключи в прихожей на полке.

– Спасибо.

– Развлекайся.

Джек проводил взглядом отца и, когда тот скрылся за дверью, вновь сел на кровать. Подумать только – он волновался! Уже не мальчик давно, а поди ж ты. Нужно срочно на свежий воздух.

Обычно февраль в Германии холодный. В этом году зима не спешила с морозами. Заснеженный Мюнхен выглядел иг-

рушечным. Джек неторопливо ехал по городу мимо ажурных дворцов и рельефных соборов, уютных баров и бесстрастных офисных зданий. У Мариенплац припарковался, вышел в зябкую ночь и смешался с толпой прохожих. В центре всегда полно туристов, – сюда от ворот Карлстор идет пешеходная улица с прекрасной архитектурой, магазинами, ресторанами, сувенирными лавками. Иван предпочитал гулять в других районах города, не столь известных и менее оживленных. Но сегодня его тянуло сюда, в сердце Мюнхена, и люди не являлись помехой.

На площади играли музыканты. Зрители останавливались не столько послушать мелодию, сколько порассуждать, каким образом пианист умудрился притащить сюда рояль. В воздухе витал пряный аромат глинтвейна, четыре десятка колоколов молчали в ожидании утра, застывшие фигурки рыцарей и артистов на часах Новой Ратуши бесстрастно взирали на спящих внизу людей.

Джек остановился у фонтана с бронзовыми фигурами и ослепительно бирюзовой водой. Это был самый старый фонтан Мюнхена. Пока не изобрели холодильные камеры, уличные торговцы хранили в нем рыбу. Он усмехнулся, подумав, что вполне мог бы подрабатывать экскурсоводом. Отец часто рассказывал маленькому Ване интересные факты из истории города, а тот невольно их запоминал.

– Вы нас не сфотографируете на фоне фонтана? – Молодая девушка и ее спутник просяще воззрились на Ивана.

– Конечно. – Он взял протянутый фотоаппарат, отступил на пару шагов и сделал несколько кадров.

– Большое спасибо! – Молодые люди посмотрели на дисплее результат и, оставшись довольны, попрощались и двинулись в сторону Старой Ратуши.

Джек подумал о Гретхен. Интересно, чем она занимается в данную минуту? Тоже гуляет где-то со своим мужем? Или сидит дома, играет с ребенком. С его, Ивана Кравцова, ребенком.

Джек мог обманывать кого угодно, но не себя. В Мюнхен его привело не только желание навестить родителей.

Минувшие два года он подавлял любые воспоминания о Гретхен. Сначала это давалось с трудом, но постепенно житейские дела вытеснили привлекательный образ из головы, и стало заметно легче.

В офтальмологической клинике, где Джек восстанавливал зрение, он познакомился с легкомысленной медсестрой. Впрочем, легкомысленной она казалась только вначале. При близком общении Гретхен продемонстрировала удивительный прагматизм и разумность. Она была странной. Пожалуй, самой странной из всех встречавшихся ему женщин. Что-то в ней присутствовало иллюзорное, воздушное и одновременно с этим – жесткое, неуступчивое. Она словно совмещала в себе несколько личностей, создавая образ невнятный для окружающих, но вполне комфортный для нее самой. Гретхен трепала языком не задумываясь, однако в ее словах все-

гда сквозил тайный смысл. Она походила на книгу, в которой истинный сюжет прятался между строк.

Джек не испытывал к ней сексуального влечения – честно не испытывал. Пока не увидел. Она была красива, от макушки до пяток. Смотрела на него насмешливо и смущенно.

Они провели вместе ночь и утром расстались.

Они больше никогда не встретятся – таково было условие Гретхен. Она попросила об одолжении, и Иван не смог отказать, не подозревая, что сдержать слово будет так трудно. Он хотел ее увидеть. Спустя два года хотел сильнее, чем прежде.

Гретхен состояла в браке, но из-за проблем у супруга не могла забеременеть. Они решили выбрать здорового привлекательного мужчину и зачать ребенка с его помощью. Со слов Гретхен, Джек идеально подходил для этой роли.

Самое смешное, что он согласился. Он не имел склонности романтизировать прошлое, но воспоминания об их единственной ночи перекрывали все короткие и длительные интрижки, что были до и после. Их тела идеально подходили друг другу и взаимодействовали на каком-то ином энергетическом уровне. Иногда ему казалось, что его память играет с ним злую шутку, добавляя иллюзорных штрихов и ощущений. Но разве он не чувствовал ровно то же и два года назад, ранним мюнхенским утром, опустившись на колени перед Гретхен и спрятав лицо в ее коленях?

Иван отлично помнил, какие испытывал эмоции, – и жаждал их повторить. Он не знал, требовалась ли для этого та же

женщина, или близкая по неоднозначности ситуация, или то и другое вместе. Он намеревался начать с самого простого: встретиться с Гретхен.

О ребенке думал в последнюю очередь. Любопытно взглянуть на плоть от своей плоти – но без сантиментов. Участвовать в жизни ребенка или претендовать на роль законного папаши он точно не планировал. Он выступил в роли донора спермы, ни больше ни меньше. Сделка есть сделка. По-настоящему его интересовала только женщина.

И здесь начинались определенные трудности. Медсестра дала Джеку понять, что любит своего мужа и счастлива в браке. Стефан идеальный мужчина – и при других обстоятельствах она бы не изменила ему. При таком раскладе она, скорее всего, откажется от встречи, даже зная, что дальше чашки кофе в общественном месте не зайдет. Да и с чего бы ей соглашаться? У нее все в порядке, она получила желаемое. Иван являлся эпизодом, средством достижения цели. Медсестра, поди, и имени его не вспомнит.

Джек остановился возле Хофбройхаус – исторической придворной пивной, известной тем, что там частенько сиживал Гитлер. Такие шумные, наводненные туристами бары Джеку не нравились. Да и пиво он не любил.

Заметно похолодало. Иван побродил еще несколько минут, думая о Гретхен, и двинулся в сторону парковки.

Тогда

Лекция была скучной, Никита то и дело отключался. Если бы Артем не толкал его в бок, возвращая к реальности, он, чего доброго, захрапел бы на всю аудиторию. На четвертом курсе можно позволить себе некоторые вольности, но данный предмет был экзаменационным, а препода – жутким мстительным занудой.

– Блин, Темыч, засыпаю, сил нет, – страдальческим голосом поведаль Никита.

– Лег-то во сколько?

– Не помню. В пять. Или в шесть. Мне нужен кофе, немедленно.

– Хочешь свалить прямо сейчас или выдержишь пятнадцать минут до конца пары? – не отрывая взгляда от преподавателя за кафедрой, поинтересовался Артем.

Как только прозвенел звонок, друзья направились в кафетерий на первом этаже и взяли по двойному эспрессо. Несколько глотков горького напитка в считанные минуты оживили Никиту.

– Может, тебе не брать воскресные ночи? Все-таки понедельник – день тяжелый, и лекции, как назло, нужные, – предложил Артем.

– Исключено. На выходных самый замес, – отмахнулся приятель. – Прорвемся. Нам учиться осталось всего ничего.

– Ну смотри.

– Я-то смотрю. – Никита подозрительно прищурился и выдержал паузу. – А вот ты?

– Что я? – Свет глупо улыбнулся, хотя прекрасно понял намек. – У меня все нормально.

– Ты решился или нет?!

– В процессе.

Никита указал подбородком на его нетронутый кофе.

– Допивать будешь?

Артем молча подвинул к нему свой бумажный стаканчик. Товарищ сделал два больших глотка и серьезно посмотрел на него.

– Мы это уже сто раз перетерли. Что тебя останавливает?

Артем и сам не знал. Возможно, природная скромность. Или неуверенность в себе. Или боязнь поражения. А может, он просто не хотел делать шоу из своего увлечения. Для него паркур был философией, образом мысли. Глупо опускать его на соревновательный уровень.

Свету не нравилось то, что происходило в последние годы с паркуром. Главной задачей трейсеров стало не самосовершенствование, а желание дешевой популярности. Каждый снимал видео, участвовал в конкурсах, обучал новичков, пытаясь заработать и прославиться. В общем-то ничего дурного в этом не было, и не Артему судить других. Просто лично ему претил такой подход. Исключительно его собственные заморочки.

При всем при этом он отлично понимал, что и обычная жизнь среднестатистического человека ему не подходит. Нужно найти компромисс. А компромиссы всегда давались ему нелегко.

Близился чемпионат России по паркуру, и Никита настаивал, чтобы Артем принял в нем участие.

– Я же видел, на что ты способен, – горячился друг. – Ты реально крут, ты это знаешь. И я это знаю, и Полимер тоже. Но нужно, чтобы об этом узнал кто-то еще. Заяви о себе. У тебя появится больше возможностей, о которых ты можешь не подозревать. Ты сам говоришь, что офисная жизнь тебе не по нраву. Ну так дай себе шанс заниматься любимым делом и при этом не голодать. Вон, твой любимый Дэвид Бель тоже выступал против коммерциализации паркура, а поди ж ты, сейчас снимается и в рекламе, и в кино. И чем это плохо?

Никита бил по больному.

К французцу Дэвиду Белю, родоначальнику паркура, у Артема было особое отношение. И прежде всего потому, что они были чертовски, издевательски похожи внешне. Карие глаза, черные волосы, ровный нос, острый подбородок, телосложение одинаковое. Только разница в двадцать лет.

Увлечшись паркуром, юный Артем прилежно штудировал матчасть и выучил назубок биографию Дэвида Беля.

Родился идеолог движения в 1973 году в Нормандии, в небогатой семье. Его отец служил во французской армии и работал пожарным. Он был выдающимся спортсменом и

высококвалифицированным спасателем и воспитывал сына соответственно. Немудрено, что Дэвид увлекся легкой атлетикой, гимнастикой и боевыми искусствами. В пятнадцать лет он собрал компанию молодых людей, которые впоследствии стали его сподвижниками. Они называли себя «Ямакаси» (сильные духом и телом) и тренировались как одержимые. Тогда-то у Дэвида и вырисовалась идея о неограниченном перемещении в пространстве.

Большое влияние на формирование новой дисциплины оказал отец Дэвида. Во время службы во Вьетнаме он почерпнул много полезных навыков: концентрация внимания и физических возможностей, преодоление препятствий, ловкость и изобретательность. Именно от этой базы отталкивался Дэвид, создавая собственный стиль. Он учился проходить везде, где хотел пройти, – без страха и ограничений. Его тяга к приключениям и жажда свободы – как физической, так и духовной – толкала его вперед, на покорение новых вершин. «Нет границ, есть лишь препятствия» – эта фраза стала девизом трейсеров.

Долгое время Дэвид пробовал себя на различных работах, но ни в чем не находил удовлетворения. Он пребывал под влиянием захватившего его увлечения, но понимал, что паркур как самостоятельная дисциплина еще не имеет права на существование. А тут еще в команде начались разногласия, которые в конце концов привели к разрыву.

Дэвид и его лучший друг Себастьян Фукан стали вдвоем

заниматься развитием паркура. Записывали видео, объясняли философию. Однако вскоре их дружба дала трещину. Себастьян брал за уроки деньги, тогда как Дэвид считал это недопустимым. Себастьян мечтал превратить паркур в бизнес. Принимал участие в коммерческих проектах, снимался в клипах и в итоге сформировал отдельное направление – фриран. Если смысл паркура заключается в рациональном перемещении из точки А в точку В за максимально короткое время, то суть фрирана состоит в эстетически приятном передвижении, пусть даже в ущерб эффективности. У фриранера нет цели закончить маршрут, он лишь получает удовольствие от красоты процесса.

Дэвид Бель не стремился к популярности. Однако один из записанных им роликов увидели телевизионщики и сняли о нем фильм. Медленно, но верно Дэвид Бель становился известным. В паркур вливалось все больше людей, и вскоре лихорадка охватила весь мир. Сам Дэвид, не видя иного способа жить в гармонии со своим увлечением, начал сниматься в кино и рекламных роликах, демонстрируя свои необычные способности и тем самым вдохновляя тысячи последователей.

Фильм «13-й район», в котором Бель снялся в главной роли, Артем пересматривал несколько раз. В замедленном режиме прокручивал головокружительные трюки своего кумира и раскладывал на элементы – шаг за шагом, – чтобы повторить самостоятельно.

– Я спрашиваю, чего ты молчишь? – упрямо повторил Никита.

– Думаю.

– И что надумал?

Артем повертел мобильный (дурная привычка) – и решительно положил его на стол.

– Ты прав.

– Оу? – Никита явно не ожидал столь скорой победы. – Позволь уточнить на всякий случай – в чем именно?

– Надо что-то делать. Отправлю сегодня заявку на участие.

– Вот это я понимаю, мужик! – обрадовался Никита.

Свет хоть и пообещал товарищу, но с исполнением не спешил. Тянул до последнего. После пар забежал на работу, прокуковал там до вечера. Дома переоделся, пошел на тренировку. Истязал себя два часа, но без толку: тело слушалось плохо, даже простые движения давались с трудом. Сложные трюки отрабатывать не рискнул. Сделал упор на ОФП. Приковылял домой на полусогнутых. Сварил пельмени, посплонялся по квартире и лишь без четверти двенадцать включил компьютер.

Никита все правильно говорил. Для Света существовал лишь один путь выбиться в люди. Оставаясь в тени, успеха не добьешься. Паршивые законы современного мира: без пиара и саморекламы далеко не уедешь. Люди ведутся на красивые

картинки, жаждут зрелищ и громких слов.

Артем выбрал папку с фотографиями на рабочем столе и кликнул мышкой. Прокрутил колесико вниз и щелкнул по изображению. На снимке – пустой зал, и в центре на матах пятнадцатилетний Свет сидит на прямом шпагате. Ох и пришлось тогда попотеть. Начиная заниматься в секции, Артем был как деревянный. Разводил ноги чуть шире плеч, дальше никак. Денни говорил, что если регулярно растягиваться, то года за полтора можно сесть. Артем тянулся каждый день. Дома закрывался в своей комнате, надевал на ноги целлофановые пакеты, чтобы скользить по ковру, и, скрипя зубами, держал позицию. Однажды под правой коленкой у него что-то щелкнуло и отозвалось резкой болью. Парень тогда перепугался до чертиков, думал, связку порвал. Боялся не самой травмы, а того, что надолго выйдет из строя. К счастью, ничего страшного не случилось. Впредь он тянулся осторожнее, увеличивая давление постепенно, без фанатизма. Расчеты Денни не оправдались. На шпагат Свет сел не через полтора года, а через восемь месяцев.

Данила после этого подрядился с ребятами пари заключать: за какой срок Свет выполнит тот или иной элемент. Ставки на импровизированном тотализаторе принимались смехотворные, но смысл был не в прибыли, а в веселье.

Первое время Свет из кожи вон лез, чтобы максимально быстро освоить сперва базовые упражнения, затем более сложные. Дураком был, рисковал. Как умудрился обойтись

без тяжелых травм, непонятно. Везло, наверное. Ушибы, разумеется, присутствовали постоянно, но их Артем не замечал. Вот когда руку сломал – тогда неприятно было. Но он и с гипсом умудрялся практиковаться.

По малолетству демонстрировал довольно безответственное отношение к собственному здоровью. Спешил научиться как можно большему и не тратил силы на отработку и доведение до совершенства каждого элемента. Боялся, что упустит драгоценное время. Он и так слишком поздно начал. Дэвид Бель в его возрасте уже такого уровня достиг! И это было обиднее всего. Конечно, Бель крутой чувак, и Артем его безмерно уважал. Но они изначально находились в неравных условиях. Дэвид рос в спортивной семье, ему было на кого равняться и у кого учиться. А у Света не было. Отца интересовала только выпивка. Он бы и пары раз не отжался.

Подростку сложно самому пробивать дорогу – хватать знания из разных источников, анализировать, что плохо, что хорошо. Если бы только у него был настоящий наставник, он бы горы свернул!

Они, наверное, потому и сблизились с Данилой. Вдвоем было легче находить ответы.

Артем повел мышкой вверх и кликнул на другой снимок. Светловолосый парень лет семнадцати в красной футболке и зеленых штанах завис в воздухе вниз головой на краю высотного здания. Красивый кадр.

Свет хорошо запомнил тот день. Стояла середина лета.

Они с Денни двигались с тренировки в сторону автобусной остановки, когда увидели знакомых ребят. Эти трое были старше на пару лет и одно время занимались в секции, но потом отделились. Изучали трюки в ютьюбе, повторяли их и делали собственное видео. Их клипы пользовались большой популярностью. Зрителям нравилось наблюдать, как кто-то подвергает опасности свою жизнь. Парни часто прыгали на крышах, выбирали ветхие конструкции и всячески изображали отвагу и бесстрашие.

Ил, Штопор и Бах вертели в руках камеру, экспериментируя с настройками.

– Собираетесь новый шедевр снимать? – бросил Денни. Он всегда отличался ехидством.

– Здорово! – весело отозвался Ил и указал рукой вверх, на крышу ближайшей высотки. – Видишь здание? Мы надыбали ключ от чердака. Планируем закреативить убойную видюху с панорамами города. Хотите с нами подняться?

Глупый вопрос. Еще бы не хотеть.

С высоты семнадцатого этажа город казался покоренной территорией, завоеванной землей. Артема охватило упоительное чувство свободы – хотелось мчаться вперед, отодвигая пределы и освобождаясь от забот. Почти решил потрейсить вместе с парнями, но вовремя спохватился – он только что закончил утомительную двухчасовую тренировку и понимал: если перенапряжется сегодня, завтра не сможет полноценно упражняться. Кроме того, парни собирались делать

акробатику, а он пока в этом отставал.

Ил и Штопор начали разминку, а Бах подбирал наилучший угол для съемки. Оригинальный был паренек – как трейсер посредственный, зато клипы делал – закачаешься. Он потом по этой стезе и пошел – выучился на оператора и видеомонтажера. Паркур забросил.

– Так, ладно, начинаем. Бах, сперва Штопор сделает фляки с рондата, а потом я покручу.

– Слушай, Илья, у меня предложение, – лукаво усмехнулся Денни. – Вот ты красно-зеленый. Так надо бы Штопору в желтое нарядиться.

– Это еще зачем?

– Было бы на светофор похоже.

Денни в своем репертуаре, но Ил миролюбиво отмахнулся.

Съемка прошла отлично. Артем даже немного завидовал, глядя, с какой легкостью и бесшабашностью парни исполняют элементы. Качественный монтаж, красивая музыка – и хит ютьюба готов.

В самом конце Илья поднялся на бетонный выступ, опоясывавший крышу по периметру.

– Я сейчас аккуратно крутану сальто назад, а ты, Бах, сделай фотку, когда я в воздухе буду.

Идея была опасная, но Илья так загорелся, что не позволил себя переубедить. В общем-то ребята не сильно его и отговаривали. Все-таки любопытно посмотреть.

Бах занял позицию с камерой на изготовку, а Ил замер у края крыши, примериваясь и собираясь с духом. В следующую секунду он уже выпрыгивал назад. Бах успел поймать нужный момент. Это была последняя фотография Ила.

Неизвестно, что в итоге произошло – то ли Илья испугался, что приземлился слишком близко к краю, и невольно дернулся. То ли неправильно поставил ноги и соскользнул вниз. То ли травмированный голеностоп подвел. Он рухнул с семнадцатого этажа, откуда открывался умиротворяющий вид на город, и разбился насмерть.

Первые мгновения Артем не понимал, что случилось. Вроде вот он, Ил, стоит в трех метрах справа, и вдруг исчез. Будто в воздухе растворился. А потом Свет услышал крики – парни бросились к краю крыши, словно это могло что-то изменить.

Чуть позже родители Ильи разрешили Баху выложить в сеть ту чертову фотографию. Надеялись, что трагедия их сына послужит уроком и спасет жизнь очередному отчаянному подростку. Артем сохранил снимок у себя в компьютере.

После того случая Свет стал серьезнее относиться к своему увлечению. Осознал, что главные правила паркура – безопасность, эффективность, простота – не пустой звук, а единственно верный путь. Быть трейсером – это не летать с крыши на крышу. Быть трейсером – значит иметь голову на плечах и владеть своим телом.

Вечером они с Денни долго бродили по улицам, пришиб-

ленные произошедшим. Домой Артем идти не спешил – там ор и пьянка, а ему хотелось тишины и покоя. Денни привел товарища на свое тайное место тренировок – замороженную стройку и прилегающие к ней гаражи. Взобрались на низкий выступ на уровне первого этажа, уселись, обхватив колени руками, так и просидели до самой ночи.

– Знаешь, о чем я сейчас подумал, – признался тогда Артем, глядя на темнеющую грудку гравия. – Как-то неправильно у нас все.

– У нас – это у кого? У трейсеров? – откликнулся притихший Данила.

– Да. У всей нашей тусовки. Нет у нас благородной цели. Например, спасти ребенка, как в фильме «Ямакаси». Или защитить людей от произвола властей – как в «13-м районе». У нас обычная жизнь, в которой преодоление препятствий – это способ отличиться. В идеале паркур – это образ жизни. А ведь большинство трейсит просто из тщеславия, из желания быть не как все. Нет в этом ни философии, ни благородства. Один выпендрож.

Некоторое время Денни молчал, потом спросил задумчиво:

– Так ты хочешь спасти ребенка?

И не выдержал, прыснул со смеху.

– Придурок, – слабо улыбнулся Артем.

– А если серьезно, то ведь главное, как ты сам относишься к паркуру. А на остальных плевать. Вся шелуха рано или

поздно отвалится. Останутся только настоящие.

– Как ты думаешь, мы какие?

Денни нашарил рукой отколовшийся кусочек шифера и запустил в сгущавшиеся сумерки:

– Время покажет.

– Илюху жалко, – после паузы сказал Свет. – И родаков его тоже.

– Сам виноват, – неожиданно зло процедил друг.

– Все равно жалко.

– Согласен.

Той ночью Артем ворочался до утра, не мог заснуть. Перед глазами стоял светловолосый семнадцатилетний парень в яркой одежде на фоне пронзительного голубого неба. Со следующей тренировки Свет временно перестал изучать сложные элементы и вплотную занялся хромающей базой и постановкой правильной техники.

Артем закрыл фотографию. Часы показывали без пяти двенадцать. Оставалось ровно пять минут до окончания приема заявок на чемпионат. Больше тянуть нельзя. Он зашел на сайт, открыл форму и поспешно вбил свои данные.

Сейчас

Тянуть можно было и дальше, но два дня на рефлексии Джек посчитал достаточным. Он отдохнул, вдоволь нагулялся по Мюнхену, наговорился с родителями. Дело оставалось за малым.

Прикрыл дверь в комнату, сделал пару глубоких вдохов и отыскал в телефоне контакты Гретхен. Волновался, когда набирал номер.

Длинные гудки.

Джек повторил набор. Трубку никто не взял.

Она могла сменить номер. Или занята и не слышит. Или знает, кто звонит, и поэтому не отвечает.

Иван кинул мобильный на кровать и застыл у окна. Заснеженный сад посверкивал под деликатным утренним солнцем, из трубы соседнего дома устремлялся в серо-голубое небо почти бесцветный дымок камина. Джек не собирался сдаваться. Он приехал, чтобы увидеть Гретхен, – хочет она того или нет. Вреда он ей не причинит, семью не разрушит. Нет ничего дурного в том, чтобы встретиться двум знакомым, поболтать о разном.

Телефон, упавший между подушками, приглушенно звонил. Джек взял его в руки и посмотрел на дисплей. Звонила Гретхен.

– Герр Иван, это ты? – Ее голос, вкрадчивый, хриплова-

тый, ничуть не изменился. Джек мгновенно почувствовал облегчение, словно все это время подозревал, что медсестра являлась плодом его воображения.

– Ты сохранила мой номер? Польщен.

– О, герр Иван, я не забываю людей, сделавших мне приятно.

Джек почти расплылся в довольной улыбке, когда услышал продолжение фразы.

– Твой плеер, который я одолжила, прекрасно служит. Слушаю музыку и поминаю тебя добрым словом.

Материнство не повлияло на характер медсестры – ироничности не убавилось ни на грамм.

– Я проездом в Германии, – сдержанно ответил Джек. – Хотел бы пригласить тебя в кафе, если это уместно.

– За кого ты меня принимаешь, герр Иван?

Он поморщился от досады: ну вот, начинается.

– У меня нет намерения тебя обидеть...

– Намерения нет, и все-таки обидел, – отчитала его собеседница. – Не видел девушку целую вечность и приглашаешь ее в какое-то кафе. Я соглашусь не меньше чем на ресторан. Самый дорогой в городе. Ты знаешь, какой самый дорогой ресторан в Мюнхене?

– Знаю, Гретхен, – с улыбкой ответил Иван. Чертова медсестра умела накалить обстановку. – Когда тебе удобно?

– Сегодня в семь вечера.

– Договорились.

– Отлично. Встретимся там. Я доеду сама, – предупредила Гретхен и положила трубку.

Иван глянул на часы – 10.15. Отец уже уехал на работу и не появится раньше вечера. Очень не хотелось отвлекать его от дел, но выбора нет. Нужно звонить.

– Папа, извини, понимаю, ты занят...

– Отставить извинения. Говори по существу, – приказал Кравцов-старший. – Что-то стряслось?

– Твой бизнес-партнер Маркус еще является совладельцем «Тантриса»?

– Да, насколько мне известно.

– Будет очень неловко попросить его об услуге? – смущенно протянул Иван. – Я в курсе, что в этом ресторане бронируют места за несколько дней, но мне кровь из носу нужен столик сегодня на семь вечера.

Сергей Иванович одобрительно хмыкнул:

– Вот это я понимаю! Надо полагать, фрейлейн очень красивая, раз требует таких усилий?

– Очень красивая и грозная, – признался Джек.

– В таком случае ты выбрал правильное место для ужина. Когда мне нужно задобрить твою мать, я веду ее в «Тантрис», – рассмеялся Кравцов-старший. – Я свяжусь с Маркусом. Думаю, проблем не возникнет.

Гретхен приехала вовремя, что странно. В их последнюю встречу она заставила себя ждать. К тому моменту, как она

подошла ко входу в ресторан, Иван олицетворял собой спокойствие и невозмутимость.

– Прекрасно выглядишь, – поприветствовал он Гретхен, целуя в щеку.

– Ты тоже. После лечения в клинике ты был несколько изможден и потрепан. Признайся, ты вел в России веселую и беззаботную жизнь?

Джек воздержался от ответа и молча предложил пройти внутрь. Метрдотель спросил имена и проводил гостей к столу. Они расположились в центре большого зала, помпезного и старомодного, оформленного в черно-оранжевой гамме. В поле зрения не было ни одного свободного места. Этот старейший ресторан считался лучшим в городе, и две мишленовские звезды были тому подтверждением.

Пафосность обстановки смутила Гретхен, – очевидно, она впервые посещала это заведение. Пока официант расписывал меню, Джек не сводил со спутницы взгляда. На ней было обтягивающее вязаное платье, подчеркивающее большую грудь и тонкую талию. Сосредоточенно думая над заказом, Гретхен покусывала пухлые розовые губы и бесшумно постукивала пальцами по столу. Было странно сидеть напротив и видеть мельчайшие изменения ее мимики. Странно, что все так легко складывалось. Странно, что он столь долго не отваживался на этот простой в общем-то шаг.

Гретхен заказала дегустацию четырех блюд с рекомендованным сомелье вином. Джек попросил крем-суп из лобсте-

ров и рыбное филе с черными трюфелями.

Пока готовили заказ, они перекидывались фразами ни о чем. О главном Джек спрашивать не решался, а Гретхен и не думала облегчить ему задачу. Когда принесли еду, они на какое-то время умолкли, наслаждаясь невероятным вкусом. И пафосность обстановки, сложности с бронированием, заоблачная цена сразу теряли значение – пища была божественна и стоила каждого цента.

С потолка свисали округлые оранжевые светильники, фоном играла тихая музыка. Гретхен сделалась необычно молчалива, лишь изредка бросая короткие реплики. Она медленно пила вино, рассеянно глядя поверх бокала на своего собеседника.

Джеку почудилось, что она внезапно утратила к нему интерес.

– Хочешь чего-нибудь еще? – спросил он. – Десерт? Коктейль?

– Нет, герр Иван.

Еще несколько минут назад Кравцову казалось, что встреча превзойдет все его самые смелые ожидания. Но теперь он начал сомневаться.

– Я сделал что-то не так, Гретхен? – прямо спросил он.

Девушка окинула его долгим задумчивым взглядом и не ответила.

Пожалуй, впервые за всю свою психотерапевтическую практику Иван Кравцов не мог со стопроцентной уверенно-

стью сказать: его собеседница специально играет на нервах или же естественна в своих проявлениях. С Гретхен никогда не поймешь точно. Это одновременно и привлекает, и раздражает.

Среди психотерапевтов ходили байки о «нечитаемых», не поддающихся анализу людях. Кравцов в эти мифы не верил. Любого человека можно расшифровать. Другое дело, что иногда этот процесс требует времени. Но при известной доле усердия рано или поздно ключ обязательно найдется. И тогда все загадочные прежде поступки, все, что движет человеком, станет предельно ясным. У Джека было недостаточно времени, чтобы копнуть вглубь и понять Гретхен. Но если ему представится шанс, он обязательно ее вычислит. Перспектива будоражила Джека. Единственное, чего он боялся, – это разочароваться. Иногда мерещатся в человеке невидимые глубины, воды его океана переливаются жидкой радугой. Хочется нырнуть в эту манящую бездну, утонуть, захлебнуться от восторга. Но реальность преподносит сюрпризы. И оказывается, что нет и не было там никакой глубины. И загадочное мерцание – всего лишь разводы бензина на поверхности мелкой лужи. Джеку хотелось верить, что переменчивость Гретхен имеет более интересную природу, нежели обычная бабья дурь.

– Ты позволишь подбросить тебя до дома? – спросил Иван, расплатившись по счету.

Гретхен кивнула.

Было около десяти вечера, когда они вышли из ресторана. Медленно падал снег, окутывая безлюдную улицу непроходимой уютной тишиной. Джек открыл дверцу машины и помог девушке сесть.

– В каком направлении едем?

– Прямо, – улыбнулась Гретхен.

Джек молча вел машину, с удовольствием отмечая собственный дискомфорт. Он всегда и везде чувствовал себя в своей тарелке. Любой раздражающий фактор с легкостью раскладывал на составляющие и устранял беглым анализом. Кравцов умело пользовался профессиональными навыками, чтобы облегчать себе жизнь. Но сейчас он то ли не хотел, но ли не мог погасить волнение. Это странное ощущение чем-то напоминало выброс адреналина, но проявлялось более мягко, чувственно. Джеку нравился новый опыт.

– Здесь направо, – сказала Гретхен. – Остановись у вон того здания.

Джек припарковался у обочины. Дом был старый, двухэтажный. К каждой двери вела отдельная лестница с резными чугунными перилами.

Где-то там, за стеной, Гретхен ждали ее супруг и маленький сын. Джек отчетливо представил, как она заходит в квартиру, снимает сапоги и пальто. Стефан отвлекается от телевизора и приветливо кивает. Гретхен бесшумно открывает дверь в детскую и склоняется над кроваткой малыша, мгновенно позабыв и о глупом русском, и о скучном вечере в ре-

сторане.

– Ты идешь? – с вызовом бросила Гретхен, нервно сжимая перчатки.

Джек с недоумением воззрился на нее. Она указала подбородком на другую сторону улицы, где сквозь прозрачную снежную пелену поблескивала вывеска отеля.

– Не зажигай свет. – Гретхен остановила его руку, когда они поднялись в номер.

Она раздвинула занавески, впуская в комнату тусклый уличный свет. Затем принялась медленно расстегивать пуговицы пальто. Иван привалился плечом к дверному косяку и молча наблюдал за ней. Другой на его месте рванул бы вперед в страстном порыве, но Джек интуитивно чувствовал, что лучше оставаться пассивным. От Гретхен исходила агрессивная, доминантная энергетика, и он решил подчиниться, сыграть по чужим правилам.

Гретхен поставила одну ногу на бортик кровати и осторожно стянула чулок. Свет из окна рисовал на ее бедре геометрические узоры. Джек накрыл ладонью свой рот и тут же отдернул руку. Он начинал возбуждаться.

В абсолютной тишине Гретхен сняла трусики и бросила их на пол, оставшись в одном платье. Джек едва сдержался, чтобы не шагнуть ей навстречу. Она хочет побыть боссом. Он даст ей эту возможность.

Гретхен постояла, придирчиво изучая его. В ее глазах плясали хищные огоньки. Она приблизилась к нему и, ухва-

тив за галстук, потянула за собой. Толкнула в твердое кожаное кресло и опустилась сверху. Джек ощутил мягкую тяжесть ее бедер и накрыл их ладонями, плотнее прижимая к себе. Гретхен отвела его руки в стороны и поцокала языком:

– Без самодеятельности, герр Иван. Я все сделаю сама.

Так, как я хочу.

– Прости.

Она улыбнулась, на миг утратив суровость.

– Мне нравится, как ты извиняешься. Возбуждает.

– Гретхен...

– Да?

– Прости меня, пожалуйста, – сдерживая улыбку, пробормотал Джек.

Она наклонилась к его уху.

– Сиди и не двигайся. – Ее рука скользнула вниз, к ремню на его брюках.

Иван не фантазировал об играх в стиле плохая немецкая фрау и хороший красный партизан, но Гретхен заводила его одним присутствием. Было в ней что-то не вульгарное, не распущенное, а правильно порочное. А может, они просто подходили друг другу на химическом уровне?

Они лежали в кровати, потные, утомленные, и бессмысленно глядели в сереющий потолок. Джек улыбался собственным мыслям: на этот раз Гретхен не преследовала цели забеременеть, а значит, видела в нем не только донора спермы. Это открытие обрадовало сильнее, чем он ожидал.

Девушка скосила на него глаза:

– У тебя глупая улыбка.

– Правда?

– Точно тебе говорю. – Гретхен снова уставилась в потолок. На ее лице застыло мечтательное выражение.

Джек повернулся на бок, подперев голову рукой и вперив жадный взгляд в обнаженную грудь. Он нежно провел пальцем по светло-коричневому соску.

– Ты очень красивая.

– Знаешь, о чем я думаю? – куда-то в пространство про-изнесла Гретхен.

– Не знаю.

– У каждого человека есть суть. Нечто неизменное, фундаментальное, что держит его и движет им. Иногда мне кажется, что мой стержень – возбуждение. Потому что интерес к миру у меня проявляется через «сексуальное», и никак иначе. Что бы я ни делала, меня это должно возбуждать. Иначе результат получается пресный, скучный, вялый. А я очень не люблю, когда вялый, – на последнем слове Гретхен издала смешок. – А какой стержень у тебя, герр Иван?

– Хм. Полагаю, что эрегированный.

– Я вижу, – хихикнула она. Ее недавняя задумчивость исчезла, и Джек снова узнавал ту непосредственную медсестру, которая ухаживала за ним в офтальмологической клинике. Ему было легко и комфортно, но все-таки один вопрос не давал покоя. Шел первый час ночи, а Гретхен даже не пред-

принимала попыток расстаться. Разве дома ее не ждут муж и ребенок?

– Говори.

– Что? – не понял Иван.

– Говори, – повторила Гретхен, повернувшись к нему лицом. – У тебя такое выражение, будто ты хочешь о чем-то спросить, но не решаешься.

– Меня так легко прочесть?

– Возбужденный мужчина читается очень легко, – проникновенным голосом сообщила она.

– Почему ты не спешишь домой?

Вопрос ее озадачил. Она даже приподнялась на локте, чтобы внимательнее рассмотреть Ивана.

– А почему я должна спешить? Тебе вроде пока не надоело мое общество, насколько я могу судить, – выразительно кашлянула она.

Джек почувствовал себя идиотом. Гретхен смутила его, что редко кому удавалось.

– Я не о том. – Он выдержал паузу. – Разве тебе не нужно к ребенку? Обычно матери не в состоянии надолго расстаться с младенцем.

– О чем ты, герр Иван? – Гретхен села на кровати.

Джек сжал-разжал кулак, ощущая растущее напряжение. Она специально издевается над ним? Получается не слишком смешно.

Гретхен подтянула простыню к груди:

– Герр Иван, ты, конечно, в чем-то мне понятен, но я не телепат.

От нелепости ситуации возбуждение моментально схлынуло, что не укрылось от внимания Гретхен. Однако она не собиралась отступать, покуда не добьется ответа.

– В нашу последнюю встречу ты хотела забеременеть. И я полагал, что ребенок...

Гретхен оборвала его на полуслове:

– О боже! Серьезно? Герр Иван, ты реально поверил, что я желала забеременеть от тебя? – Она откинулась на спинку кровати. – Да нет никакого ребенка! Я просто хотела с тобой переспать. И заодно узнать, насколько ты отчаянный.

Иван сел, согнув колени и обхватив их руками. Какое-то время он молча смотрел на Гретхен, не в состоянии определить, какие именно эмоции вызывает в нем эта взбалмошная девица. Он не знал – то ли обижаться, то ли восхищаться. По большому счету, идея быть отцом, пусть и чисто номинальным, не будоражила Джека. Пожалуй, ему бы следовало выдохнуть с облегчением.

– Для тебя нет ничего святого, – наконец выдавил он.

– Это правда, – согласилась Гретхен, странно глядя на него – словно впервые его видела. – За это тебя нужно наказывать.

– Святого нет у тебя, а наказывать нужно меня? – хмыкнул Джек, окончательно смирившись с собственной глупостью.

– Конечно. Ради твоего же блага. Нельзя быть таким до-

верчивым. Чего доброго, однажды плохой дядя поманит тебя конфеткой и сделает с тобой дурные вещи. – Гретхен откровенно издевалась. Но Иван не чувствовал себя оскорбленным.

– Откуда ты столько знаешь о плохих дядях? – Несуразная беседа начинала забавлять Джека. Гретхен продолжала преподносить сюрпризы, и он соврал бы, если б сказал, что ему не нравится подобная непредсказуемость.

– Мне приходится с ними близко общаться, – неожиданно серьезно ответила Гретхен. Джек не купился на ее тон:

– Ты одна из самых бессовестных личностей, каких я когда-либо встречал.

– Спасибо. Очень лестно, герр Иван.

Джек потянул за простыню, которой прикрывалась девушка.

– Так как там насчет моего наказания?

Губы Гретхен растянулись в призывной улыбке. Она запрыгнула на Джека, повалив его на спину, и горячо прошептала:

– Ты пожалеешь, что родился, герр Иван.

Тогда

Тренироваться Свет предпочитал в одиночестве. С собой не брал даже плеер – неизменный атрибут большинства трейсеров. Во время тренировки нужен самоконтроль и полная концентрация, музыка в данном случае лишь отвлекающий фактор. Себастьян Фукан хорошо однажды сказал: «Практиковаться всегда лучше одному. Потому что ты будешь сфокусирован на самом себе. Ты можешь совершить прыжок с другом – это будет тьфу. Но когда ты один, это будет: “А!”. Ты будешь пугаться сильнее. И тебе придется понять, почему, и найти решение...»

За те два года, что Артем занимался самостоятельно, он научился гораздо большему, чем за четыре года в команде. И речь прежде всего не о захватывающих дыханием трюках, а об осознании себя и истинном понимании паркура.

Однако сегодня вечером Артем не двинулся обычным маршрутом, а сел в маршрутку и поехал в другую сторону.

Это было удивительное место. Если бы существовал рай для трейсеров, то выглядел бы именно так. Огромная многоуровневая площадка долгостроя, на которой присутствовали разнообразнейшие препятствия в виде лестниц, этажей, заборов и баррикад из строительных материалов. Волшебный уголок находился в отдалении от жилой зоны и долгое время пустовал, пока не был обнаружен местными любителями

паркура. С тех пор эта площадка стала самой известной в городе.

Артем надвинул на глаза капюшон толстовки, перелез через забор, обогнул высокую бетонную стену и забрался на второй этаж. Прошел внутрь, преодолел два недлинных пролета и запрыгнул на торчавшую из стены широкую балку, с которой открывался вид на центральную площадку. Здесь он мог понаблюдать за трейсерами, не привлекая к себе внимания.

Внизу собралось человек пятнадцать. Парни его возраста и пара девчонок. Они весело переговаривались и отрабатывали элементы, хлопая удачному исполнению и весело гогоча над ошибками. Уровень присутствовавших сильно разнился: кто-то демонстрировал настоящее матерство, а кто-то только начинал разучивать базу.

Свету всегда нравилась эта особая атмосфера, возможная лишь в компании единомышленников. Когда-то и он тусовался вместе с ними, одержимый, радостный, вдохновенный. Такое ощущение, что это было в прошлой жизни – так много всего изменилось с тех пор.

Несколько минут Свет внимательно следил за ребятами, пока наконец не переключил внимание на высокого спортивного парня в черных широчах и голубом худи. Даже человеку, не разбирающемуся в паркуре, стало бы очевидно, что парень является центральной фигурой тусовки. Он невольно притягивал взгляд. Была в нем какая-то уверенность, стать,

достоинство. К нему то и дело обращались за советом или с просьбой показать то или иное движение, и он никому не отказывал. Благосклонно наклонял голову, будто прикидывал, как лучше объяснить или исполнить элемент. Создавалось впечатление, что парень негласный лидер. На него было приятно смотреть, к нему хотелось прислушиваться.

Оставив новичков практиковаться запрыгивать на сложенные одна на другую шины, парень отступил на несколько шагов и рванул вперед, в угловой тупик. Он буквально забежал на стену (wallrun), схватился руками за край с упором на согнутые ноги (cat), лихо перекинул их и помчался по узкому бетонному бордюру.

Свет не сводил с трейсера глаз, внутренне отмечая все элементы, которые тот исполнял.

Assuqasy (прыжок на небольшой объект с последующим удержанием равновесия на нем).

Dash vault (прыжок над препятствием, во время которого ноги выносятся вперед уголком, затем ставятся руки).

Butterfly (вращение в горизонтальной плоскости, тело параллельно земле. Ноги идут одна за другой, взмахивая над головой).

Spring jump (прыжок через препятствие, не касаясь его).

Palm spin (опорный прыжок с вращением на 360 градусов через одну или две руки и приземлением на точку, с которой начиналось выполнение элемента).

Monkey (опорный прыжок ровной группировкой, с опо-

рой на две руки).

Парень с такой беспечностью обращался с возникавшими на пути препятствиями, словно они были игрушками, разбросанными на полу. Он не тратил никаких усилий, чтобы перешагнуть их. Его движения были грациозны и стремительны. Возможно, более зрелищны и менее эффективны, чем того требовал паркур, но эстетическое удовольствие, получаемое зрителями, того стоило. Все ребята, собравшиеся внизу, глядели на кумира, задрав головы вверх.

Тот сделал небольшой крюк по крыше, подбежал к краю и прыгнул вниз, прокрутив в воздухе тройное сальто вперед. Приземлился в ролл – перекат через плечо для снижения нагрузки на ноги – и встал перед потрясенной публикой. Улыбнулся.

– Вот это ты дал!

– Офигеть, чувак!

– Ты лучший! – послышались возгласы. Друзья обступили героя, и на несколько секунд Свет потерял его из виду.

Отборочный тур на чемпионат России стартует через неделю, и Артем хотел заранее прикинуть уровень претендентов. Можно было посмотреть в интернете – благо московские трейсеры не скромничали и ежедневно заливали свое видео на ютьюб. Но адекватно оценить обстановку можно только в реальности – без монтажа и красивых повторов. Свет выбрал правильное место – здесь собрались все его будущие соперники. Впрочем, беспокоил его только один.

Первые разногласия у них с Денни начались на почве акробатики. Друг считал, что без «украшений» паркур смотрится довольно уныло, поэтому активно применял фляки, перевороты и сальто. Артему хорошо давалась акробатика, но он не злоупотреблял ею, придерживаясь классического направления паркура. Все чаще между товарищами возникали короткие перепалки.

– Ты не сечешь, Темыч, – горячился Данила. – Жизнь не стоит на месте, все меняется. И паркур тоже.

– Потому и меняется, что в последнее время трейсеры предпочитают не рациональность и скорость перемещения, а понты и выкрутасы, – упрямо твердил Артем.

– Хочешь сказать, что понты для меня главное?

– Не хочу этого сказать! Просто мне не нравятся детские игры «кто круче прыгнет» и сальтухи перед девчонками.

– Ну извини, братан, если тебя не интересуют девчонки, мне, наверное, стоит задуматься о нашей дружбе. – Денни умел сводить к шутке любой спор. На него вообще было трудно злиться. Он ко многим вещам относился с легкостью, с веселой небрежностью. Это сглаживало острые углы. Даже если приятели не приходили к общему знаменателю, отношения не страдали.

От воспоминаний Артема оторвал сигнал сообщения. Никита интересовался, все ли сегодня в силе. Они с Полиной собирались посидеть у него дома, посмотреть кино на компьютере.

«Все о'кей, встречаемся через два часа. Прихватите что-нибудь пожрать, у меня голяк», – написал Артем.

Тренировка внизу продолжалась. Подтянулось еще несколько человек, кто-то пришел с пивом. Ну, эти, понятно, надолго здесь не задержатся. Серьезные трейсеры алкоголь не употребляют и уж тем более не приносят его на локейшн.

Словно прочитав его мысли, парень в черных широчах и голубом худи приблизился к гостям и что-то им сказал. Говорил доброжелательно, с полуулыбкой, куда-то показывал рукой. Парни покивали, помялись в нерешительности и неохотно покинули площадку.

«Все правильно сделал», – одобрил его действия Свет.

В юности они с Денни попадали в разные переделки, особенно вначале, когда кровь играла, а голова отдыхала. Однажды перед тренировкой товарищ соорудил загадочное лицо и пообещал, что сегодняшний вечер будет особенным. Вообще-то Артем не отличался большим любопытством, но после такой рекламы весь извелся: что там придумал друг? Зная изобретательность и неумную энергию Данилы, стоило ожидать чего-то экстраординарного. Никогда тренировка не тянулась так долго.

Стояла середина осени, частенько дождало, поэтому Свет брал с собой одежду и кроссовки и переодевался непосредственно на месте, чтобы не заляпать по дороге туда и обратно. Нехватка денег приучает к бережливости. Денни перехватил его по пути в раздевалку:

– Не переодевайся. Пошли, – и потянул за собой.

После освещенного зала улица казалась сумрачной, хотя вечер только начинался. Данила самодовольно улыбнулся:

– Я нашел отпадное место. Сам еще не опробовал, решил с тобой на пару. Будем первопроходцами.

– Далеко ехать?

– Да какая разница? Ради такого спота не жалко и через весь город переться. Пошли!

Они спустились в метро, лихо перескочив через турникет и спасшись от разъяренной тетеньки-контролера в отбывающем поезде. Проехали несколько остановок, пересели на автобус и вышли в одном из отдаленных спальных районов.

– Тут стройка идет, но по ночам никто не работает, я проверял, – объяснил Денни, указывая на огромную огороженную сеткой территорию. – В глубь здания не полезем, темно-вато сейчас. А по периметру пройдемся, фонари вроде горят.

Свет окинул площадку восхищенным взглядом. Это была настоящая бомба, все, о чем трейсеру можно только мечтать. Ему не терпелось побегать.

– Погнали? – прочитал его мысли друг. И сиганул Кинг-Конгом через высокую бетонную плиту. Артем последовал за ним.

Они мчались, как две неугомонные тени, взбираясь на стены, перелетая через лестничные пролеты и шахты лифта, запрыгивая на перила и скатываясь вниз. Они мгновенно забыли об осторожности и рванули исследовать внутрен-

ние помещения, поднимались все выше и выше, цепляясь за уступы стен и строительные леса, пока не достигли последнего этажа. Это был голый настил без стен и вертикальных опор. Гигантское бетонное поле, продуваемое всеми ветрами.

– Вот это круть! – выдохнул Денни, разведя в стороны руки, словно стоял на сцене перед толпой поклонников. – Я король мира.

Артем приблизился к краю и посмотрел вниз. Высота была приличная, этажей десять, а он даже усталости не почувствовал. Все-таки сильно физуху поднял. Можно гордиться.

– Паркур – это сила, – резюмировал Денни, застегнув молнию куртки – становилось холодно.

– Эка тебя на пафос пробило, – сыронизировал Свет, хотя думал абсолютно так же. Паркур дарил свободу, которую он больше нигде не ощущал: ни дома, ни в школе, ни в компании друзей, не разделявших его интересы. Он чувствовал себя независимым и смелым, бросая вызов собственным силам. И не существовало ценнее момента, когда препятствие, казавшееся непреодолимым, становилось пройденной ступенью.

– Уходить не хочется, – признался Артем, пряча замерзшие пальцы в рукава толстовки. – Только одеться нужно было теплее.

– Спустимся ниже, там не так дует, – предложил Денни.

На втором этаже ребята облюбовали квадратный проем в

стене, планируя поотрабатывать Underbar – пролет в отверстие, держась руками за верхний край и пронося сперва ноги, а затем все тело. Однако их намерения прервал грозный окрик:

– А ну слезайте, хулиганье!

Внизу зашуршал гравий – кто-то двигался в их сторону тяжелой быстрой походкой.

Парни переглянулись и бросились наутек.

Десять минут спустя, запыхавшись и раскрасневшись, они рухнули на скамейку остановки.

– Блин, что это было? – глотая ртом воздух, пробормотал Артем. – Ты видел, он ружьем тряс?

– Еще бы не видеть! – Денни вытер мокрый лоб. – По ходу, это сторож. Лютый какой-то.

– Ты же говорил, на стройке никого нет по ночам!

– Да кто ж знал, Темыч? Я когда навевывался раньше, не замечал его. Может, он спал в своей будке, а мы его разбудили. – Денни на мгновение умолк и вдруг разразился истеричным смехом, согнувшись пополам. – Нет, ну ты прикинь, а? Он реально за нами гнался с ружьем! И это точно была не воздушка.

– Очень весело, – осуждающе протянул Артем и тут же рассмеялся.

– Жалко, что мы торопились – вот бы заснять эту погоню на видео. – Денни хлопнул по карману, где лежал телефон. Потом по другому. Вывернул наизнанку – сначала один, по-

том второй. – Фак!

– Чего?

– Ничего. Телефон я выронил. Вот черт.

– Уверен? Может, ты его в зале оставил? – предположил Свет.

– На крыше я время смотрел. Так что он упал где-то на территории стройки, когда мы удирали. – Товарищ погрузнел. – Там столько инфы нужной! Фак, фак!

Друзья притихли, сосредоточенно соображая. Затем одновременно вскинули головы.

– Ты подумал о том же? – хитро прищурился Данила.

– А какой еще вариант? – хмыкнул Артем.

И они двинулись обратно в сторону стройки, готовясь сражаться насмерть.

Самое удивительное, что мобильный они-таки нашли, причем быстро и без приключений. Он валялся возле забора...

Свет поднялся с импровизированного сиденья, размял затекшие ноги. Прежде чем отправиться прочь, еще раз оглядел площадку. Теперь здесь нет ни сторожа, ни рабочих. Проект заморозили три года назад, и трейсеры могли практиковаться без опасений.

Артем спустился на пролет ниже и повернул к тому месту, откуда мог спрыгнуть на землю незамеченным. Если бы он оглянулся, то увидел бы, как его провожает пара внимательных серых глаз. Молодой светловолосый парень с мод-

ной прической, в черных штанах и голубом худи смотрел на удалявшегося с напряженной усмешкой на тонких губах.

– Эй, Денни, ты что, там привидение увидел? – обратился к нему один из трейсеров.

– Можно и так сказать. – Блондин тряхнул головой, сбрасывая оцепенение. – Ладно, парни, хорош трепаться! Как там в анекдоте: «Папа, а пешеходы есть? – Заткнись и прыгай!» Так что затыкаемся и прыгаем!

Сейчас

Это было удивительное состояние: сумбур и даже неуверенность. И при этом – упоительная свобода и легкость, какую Джек давно не испытывал. Уже неделю они встречались с Гретхен каждый день – бродили по городу, ездили на зимние озера, меняли отель за отелем. Они ударились в какой-то одуряющий загул, полностью растворившись друг в друге. И чем больше времени Джек проводил вместе с Гретхен, тем меньше ее понимал. Раньше такое положение дел он воспринял бы как вызов его умению разбираться в людях. Но сейчас впервые в жизни чувственные удовольствия поглотили его целиком и полностью. После двух лет постоянного напряжения он позволил себе расслабиться и плыть по течению. И течение несло его стремительно и неудержимо.

Москва отодвинулась куда-то далеко со всем ее беспокойством, утомительным рабочим графиком, сожалениями и потерями. Даже о гибели Макса и Глеба Кравцов больше не вспоминал. В его нынешней реальности не было места смерти.

Джек приходил домой под утро и спал до обеда. Мать лукаво поглядывала на него, но вслух свои мысли не озвучивала. Иван и так догадывался, о чем она думает. Наконец-то нашлась фрейлейн, привлекающая внимание сына. В голове у мамы уже наверняка крутились воодушевляющие картины

скорой свадьбы и выводка внучат. Она бы сильно расстроилась, если б узнала, что будущее волновало сына меньше всего. Джек отдавал себе отчет, что страсть и семья так же далеки друг от друга, как ретроградная и антероградная амнезии. Он здорово увлекся немецкой медсестрой – но это увлечение вряд ли когда-либо выйдет за рамки обыкновенного вожделения. К чертям собачьим рефлексию! Всю свою жизнь он только тем и занимался, что рефлексировал. Надоело. Надо-е-ло.

Иван надел домашние штаны и спустился на первый этаж. Мать возилась на кухне. Увидев сына, она выключила духовку и улыбнулась.

– Пирог со шпинатом как раз поспел, соня.

Джек зевнул и растянулся на диване перед телевизором:

– Чем больше ты спишь, тем меньше от тебя вреда.

Мать обошла диван и присела на широкий подлокотник. На ее лице застыло выражение умиления, смешанного с нерешительностью. Она разгладила ладонью и без того безупречно выглаженный подол платья и после некоторой заминки спросила:

– Ванюша... Ты не хочешь пригласить свою девушку к нам на ужин?

Джек оторвал взгляд от телевизора:

– Мам...

– Нет, ну я не настаиваю, просто предложила...

– Мам, всему свое время. Не торопи события.

– Хорошо-хорошо. – Она поспешно встала, смущенная. – Тебе пирога отрезать?

– Спасибо большое. – Джек одарил мать самой ласковой из своих улыбок. Ведь не скажешь ей, что девушка, с которой он встречается, состоит в законном браке и бессовестно прелюбодействует. Отцу еще можно рассказать, – он мужик современный и сам не без греха. А мама – натура утонченная и глубоко порядочная. В ее жизни был и скорее всего и дальше будет лишь один мужчина. Незачем травмировать ее психику циничными откровениями.

Самого Джека замужество Гретхен волновало только с точки зрения некоторых ограничений и вынужденных предосторожностей. После того, как медсестра призналась, что обманула его насчет ребенка, Джек заподозрил, что и мужа у нее тоже никакого нет. Однако она не приглашала любовника домой, просила звонить только на мобильный и лишь в определенное время. И с ночевкой в отеле оставалась тогда, когда якобы предупреждала Стефана о ночном дежурстве в клинике. Все это походило на правду. Можно было узнать наверняка, но Джек не чувствовал такой необходимости. Его все устраивало и так.

Когда Гретхен заканчивала смену, Джек подхватывал ее у клиники. Они ехали куда-нибудь перекусить, и девушка рассказывала новости, в красках описывая врачей и пациентов. Джек слушал с интересом – два года назад он сам лежал в этой клинике, раздавленный свалившимся на него несча-

ством. Сейчас тот драматический период в жизни воспринимался с легкостью, но тогда Иван еле держался, чтобы не впасть в отчаяние. Операция за операцией, и ноль результатов. Ситуация казалась безысходной, и надежда таяла с каждым днем. Если бы не общение с разговорчивой ироничной медсестрой, Иван впал бы в беспросветное уныние. Гретхен отвлекала его, заставляла чувствовать жизнь. Рядом с ней слепота пугала Ивана меньше.

Зрение вернулось, и страхи остались далеко позади. Джеку было любопытно узнать, что происходит в клинике, как поживает доктор Вангенхайм и над каким новым пациентом издевается Гретхен.

– Ни над кем я не издеваюсь, – жаловалась она. – После того, как ты выписался, мне совсем не везет на пациентов. Все мрачные, обделенные чувством юмора.

– Ничего странного, – улыбался Джек. – Потерять зрение не очень-то весело. Я вроде бы тоже комиком не был.

– Комиком – нет. Но оценить мои шутки мог. Кроме того, у тебя было преимущество.

– Какое же?

– Привлекательная внешность.

Мобильный известил об sms. Гретхен сообщала, что закончит пораньше. Джек довольно улыбнулся.

Они сидели в кафе и пили горячий глинтвейн. Гретхен о чем-то рассказывала, а Иван заворуженно следил, как двига-

ется мягкий треугольник ее подбородка. Хотелось аккуратно поднять его вверх двумя пальцами и близко-близко посмотреть в большие песочного цвета глаза.

– Ты меня слушаешь, герр Иван? – внезапно спросила она.

– Не очень, – не стал он лукавить. – Но ведь это тебя не смущает? Тебе в принципе нравится говорить, а слушает кто-то или нет – не так уж важно.

– Я бы плеснула глинтвейн тебе в лицо, не будь он таким вкусным, – призналась Гретхен.

– Не отказывай себе. – Иван усмехнулся. – Я закажу еще.

Повисла короткая пауза. Гретхен больно пнула его ногу мыском сапога. Джек взял ее руку и поднес к губам. Пальцы были мягкие, гладкие и пахли миндалем.

Гретхен повернула голову в сторону телевизора над потолком. Показывали известную звездную пару.

– Они женаты давно и удачно, – неожиданно произнесла она. – Пора им уже развестись. Он слишком красив для брака.

Джек проследил за ее взглядом:

– Какая тебе разница? Ты вряд ли сможешь им воспользоваться.

– Понимаю. Но мне важно, чтобы он был одинок и несчастен.

Джек засмеялся. Гретхен как никому другому удавалось его развеселить.

– У тебя предменструальный синдром?

– О нет, что ты. Я сейчас вполне адекватна, – оскалилась Гретхен. – А при ПМС у меня бывает два состояния. Первое – чудовищное, яростное желание убивать. Желательно автоматными очередями. С фонтанами крови и воплями жертв. Второе – мрачная замороженность. Тебе лень шевелить даже пальцем, лень думать и чувствовать. Ты не испытываешь ненависти – ведь ненависть энергозатратна. Ты всего-навсего хочешь, чтобы все вокруг умерли. Впрочем, нет, не умерли. Ведь умереть – это какое-то действие, а действия тебя утомляют. Лучше, чтобы все вокруг уже были мертвы. Просто мертвы.

Джек прикрыл рот ладонью, чтобы не захохотать в голос.

– Предупреди меня заранее. Буду держаться подальше от тебя в этот период.

– Не получится предупредить. Тьма накрывает мою душу неожиданно и мгновенно.

Они рассмеялись.

Гретхен допила последний глоток глинтвейна и с сожалением заглянула на дно бокала.

– Еще? – спросил Джек.

– Да. Нет. – Она задумалась. – Поехали лучше ко мне.

– К тебе? – не поверил он.

– Надоели гостиничные кровати.

Вероятно, Гретхен знала, что делает. Ведь не станет же она приглашать любовника домой, зная, что муж может в любую минуту вернуться. Значит, он куда-то уехал.

Квартира была небольшая, но удачной планировки. Уютная гостиная, объединенная с кухней. Две отдельных спальни. Из окон открывался умиротворяющий вид на тихую улочку и маленький сквер. Пока Гретхен принимала душ, Джек бегло осмотрел помещение. Мужские ботинки в прихожей. Пара пустых бутылок пива у раковины. Фотография в рамочке на журнальном столике. На снимке молодой привлекательный мужчина в голубом поло обнимал счастливую Гретхен. Что ж, значит, муж действительно имеется в наличии.

Джек не успел прикинуть, радует или печалит его этот факт, как в прихожей хлопнула дверь, и несколькими секундами позже незнакомый мужчина вошел в комнату.

– Привет. – Он остановился в проеме двери, внимательно изучая Кравцова.

– Привет, – машинально отозвался Джек. Вытянутый овал лица, широко распахнутые глаза, ровный нос. Это был человек с фотографии. Сюрприз!

Не то чтобы Джек разволновался, но пульс заметно участился. Ситуация получилась некрасивая, мелодраматическая. Разборки подобного рода Кравцову никогда не нравились. Он с тоской подумал, что, наверное, придется драться. Какая пошлость.

– Ты, наверное, Иван? – лучезарно улыбнулся мужчина и шагнул навстречу, протягивая для рукопожатия руку. – Гретхен о тебе много рассказывала. Приятно наконец позна-

комиться. Меня зовут Стефан.

Вот уж подобного Джек ожидал меньше всего. Вероятно, на его лице застыло столь неприкрытое изумление, что Стефан ободряюще подмигнул.

– Это ничего, что я так по-простому? У нас в семье нет привычки усложнять.

– Стефан! – Гретхен стояла на пороге комнаты, обмотанная полотенцем. Длинные русые волосы мокрыми прядями прилипли к плечам и груди.

– Афродита! – поприветствовал ее муж.

– Ты же уехал к друзьям! – Она выглядела не растерянной, а скорее расстроенной.

Стефан виновато развел руками:

– Так получилось. Прошу прощения за свое неожиданное вторжение.

– Grosh цена твоим извинениям, – сердито фыркнула она. – Ты это нарочно сделал.

Стефан обратился к Джеку, задорно улыбаясь:

– Она меня хорошо знает. Я и правда хотел увидеть, кто завладел ее вниманием последнюю неделю.

Джек молчал, абсолютно не понимая происходящего. Не может же Стефан не догадываться, чем они тут с Гретхен планировали заняться. В его реакции отсутствовала фальшь – он действительно искренне радовался знакомству. Бред какой-то. У них что, свободные отношения?

– Герр Иван, извини. Стефан бывает не в меру любопытен

и назойлив. – Гретхен приблизилась к Джеку и погладила его руку.

– Я пойду, – прошептал он.

– Я с тобой, – решительно ответила она.

– Никто никуда не пойдет, – вмешался Стефан. – Предлагаю отметить встречу. – Он открыл холодильник и достал упаковку пива.

Парочка не выглядела психически больной. В чем же тогда дело? Неужели и правда – открытый брак, где каждый волен иметь на стороне столько партнеров, сколько пожелает? Джек понял, что не хочет уходить без мало-мальски приличных объяснений. Первый шок прошел, и в Кравцове проснулся привычный исследователь.

– Ты не против? – с надеждой спросила Гретхен.

«Это будет занятно», – мысленно усмехнулся Джек, позволяя утянуть себя в сторону дивана.

Сторонний наблюдатель увидел бы трех интеллигентных людей, ведущих светскую беседу. И чем непринужденнее тек разговор, тем сильнее Иван недоумевал. Он исподволь рассматривал Стефана, но не замечал недомолвок в его речи и неестественности в мимике. Они были с Гретхен чем-то похожи – и внешне, и манерой общения. Должно быть, у них действительно гармоничный брак.

– Гретхен говорила, ты работаешь пожарным? – спросил Джек.

– Пожарным? – Стефан откинулся на спинку дивана,

тряхнув русыми удлиненными волосами. – Гретхен всегда демонстрировала богатую фантазию. Я хирург.

– В чем специализируешься?

– Абдоминальная хирургия. Мы в некотором роде коллеги. Гретхен говорила, ты тоже связан с медициной? Психотерапевт, так? – Стефан хитро прищурился. – Уже нарисовал мой психологический портрет?

– В процессе, – уклончиво ответил Джек. Честно говоря, портрет пока четко не вырисовывался, и это было странно. Обычно Кравцову требовалось несколько минут, чтобы примерно понять, с кем он имеет дело.

– У Гретхен хороший вкус, – беззастенчиво оглядывая гостя, произнес Стефан. Он наслаждался беседой. – Ее привлекает все красивое. Она даже кино выбирает по принципу: актер красивый и спортивный – значит, хороший фильм. А шедевры мирового кинематографа ею упорно игнорируются.

– Ну и что тут странного? Меня возбуждают красивые спортивные актеры. – Гретхен поменяла позу, поджав одну ногу под себя. Пола халата откинулась, обнажив круглую коленку. – Но это не значит, что я одноклеточная. Меня довольно часто посещает настроение посмотреть что-то глубокое и драматическое, и тогда я выбираю шедевры мирового кинематографа... с красивыми спортивными актерами.

Все трое улыбнулись.

– У тебя безупречный немецкий, – обратился к гостю Стефан. – Ты долго жил в Германии?

– Да, я провел в Мюнхене детство и юность.

– Братья, сестры? – продолжал допрос Стефан.

– Я один.

– О, это, должно быть, грустно. Не представляю, что бы я делал, не будь у меня сестры. Она, правда, со странностями...

– Отвали, Стефан. – Гретхен притворилась, что кинет в него бутылку. – Это ты у нас со странностями.

Стефан прикрылся подушкой и примиряюще пробормотал:

– Ладно, ладно, молчу. Только не ругайся.

Внутри словно щелкнуло что-то. Ну конечно же! Вот идиот! Как же сразу не догадался! Джек улучил момент, когда Стефан отвернулся, и внимательнее всмотрелся в его лицо. Правильно, черты абсолютно идентичные. Просто версии разные – женская и мужская. Теперь все становилось на свои места. Два года назад чертова медсестра наврала про мужа, назвав его именем брата, и Джек совершенно упустил тот факт, что ее словам можно верить с большой натяжкой.

– Какая у вас разница в возрасте?

Стефан и Гретхен одновременно повернулись и ответили в один голос:

– Три минуты.

Близнецы, значит. Иван выдохнул с облегчением. Загадка оказалась несложной.

Гретхен почувствовала перемену в настроении любовни-

ка и долго не отводила взор, словно пыталась прочесть его мысли.

Они заболтались до глубокого вечера. Гретхен не сильно опечалилась отсутствием намеченного интима. Она хоть и фыркала на брата, но радовалась его компании. По-видимому, у них были по-настоящему близкие отношения.

Джек поблагодарил хозяев за гостеприимство и попрощался. Спускаясь по лестнице на первый этаж, еще раз подумал о том, как же все-таки много общего у брата и сестры. У них имелось лишь одно характерно отличие. У Гретхен глаза были пронизательные и лукавые, а у Стефана – острые, изучающие.

Тогда

– Итак, завтра отборочный этап, – довольно улыбнулся Никита.

– Угу, – уныло откликнулся Артем. Он понимал, что сегодня не стоило приходить в клуб, но позволил себя уговорить. Все равно чувствовал: нормально выспаться не получится, слишком нервничает. Нужно было отвлечься от мыслей о предстоящем соревновании.

– Я тобой горжусь, братан. Я рад, что ты меня послушал и забил на скромность, – не унимался Никита. – Победишь сначала в России, потом в мире. Только представь, какие откроются перспективы!

Свет саркастически усмехнулся:

– Ну, про чемпионат мира – это ты загнул. Я далеко не лучший трейсер на Земле.

– Да, ты, может быть, не лучший трейсер на Земле, но что такое – «лучший»? Это слишком субъективное понятие. У тебя есть свой стиль, ты справляешься со сложными препятствиями. О'кей, ты не крутишь тройное сальто с третьего этажа на асфальт, но когда это акробатика и тупость стали синонимами паркура?

При упоминании о тройном сальто Свет напрягся. Несколько дней назад он видел отличное его исполнение и тупости не заметил. Наоборот, каждое микродвижение было

выверено до миллиметра, просчитано от и до, блестяще исполнено – как и все, что делал Денни. Он обладал редким талантом превращать любые свои действия в красочное, увлекательное зрелище. Он родился шоуменом, он не напрягался, не пытался понравиться. У него получалось нравиться само собой.

– И опять же, – воодушевленно продолжал Никита, перебивая громкую музыку. – Перед тобой стоит задача завоевать титул чемпиона мира, а это несколько другое, чем абстрактная категория «лучший». Тебе понадобятся все твои умения, холодный расчет и немного удачи. И все, титул в кармане. А с титулом куда легче пробиться.

– Слушай, давай сменим тему, – попросил Артем. – Я в клуб повеселиться пришел, а ты грузишь. Вон, что за девчонка? Знаешь?

Никита проследил за его взглядом:

– В желтой майке? Конечно, знаю. Нормальная бейба, два дринка – и она твоя.

– И многие ей тут уже коктейли покупали?

– С такой разборчивостью тебе лучше одному перед монитором, – гоготнул Никита и тут же осекся. – Вот черт!

Музыка внезапно заглохла, и громкий голос объявил:

«Внимание! Работает госнаркоконтроль. Убедительная просьба оставаться на своих местах и выполнять законные требования сотрудников полиции!»

Несколько спецназовцев в масках рванули в сторону туа-

лета, а остальные рассредоточились по залу.

– Сваливаем! – шепнул ошалевший Никита и указал на узкий коридор сбоку от барной стойки. – Там есть запасной выход.

Артем собирался спросить, с какого перепугу нужно сваливать, но товарищ уже вскочил с места. Не бросать же его одного!

Они выбежали в коридор, свернули направо, затем налево и буквально врезались в стражей правопорядка.

– Стоять! Руки за голову! – рявкнул здоровенный детина в пятнистой форме.

Никита дернулся вперед, пытаясь прорваться, и был тут же повален на пол. С Артемом тоже церемониться не стали, – надели наручники и поволокли к микроавтобусу.

Двумя часами позже они сидели в изоляторе временного содержания вместе с остальными задержанными в клубе.

Никита устроил в управлении целый скандал. Требовал немедленно отпустить, орал, что никто не заставит его пройти экспресс-тест на содержание наркотиков в крови, и вообще они не имеют права задерживать добропорядочных граждан. Артему пришлось ощутимо припечатать его лицом о стену, чтобы он пришел в себя и прекратил истерить.

– Заткнись немедленно! – злобно прошипел он, пока полицейские отвлеклись на других задержанных. – Объясни, что происходит? Ты под кайфом?

– Я не употребляю, ты же знаешь. Просто меня взбесило, –

желчно бросил Никита, потирая саднившую щеку. – Ну ты зверь. Понежнее нельзя было?..

Артем не дал ему договорить:

– Я еще раз повторяю – ты под кайфом?

– Сказал же, нет!

– Если ты чистый, тогда мы соглашаемся на тест и спокойно идем домой.

– А вдруг они подделают результаты? Им же нужно повышать отчетность! Почему бы им не сделать нас козлами отпущения? – Никиту явно заклинило, и Артем еле сдержался, чтобы снова не применить силу.

Сотрудник наркоконтроля, обсуждавший что-то с коллегой, покосился в их сторону.

– Никто ничего не подделает. – Артем понизил голос. – Твоя задача помочиться на чертову полоску и больше не трепать мне нервы! Тебе уже внятно объяснили: отказ от прохождения теста приравнивается к признанию вины. Ты улавливаешь, какие могут быть последствия?

Хотя Никита и согласился, Свет до последнего сомневался, что тест окажется отрицательным. Слишком уж неадекватно вел себя товарищ. Неужели и правда – балуется? Почему скрывал в таком случае? Они же друг от друга никогда ничего не утаивали. А что, если и правда обнаружат наркоту? В лучшем случае влепят штраф, в худшем – арестуют на пятнадцать суток.

Ожидая своей очереди, Никита демонстрировал крайнюю

степень раздражения. Его волнение передалось Артему. На сколько все это затянется? Днем у него отборочный тур! Если он пропустит соревнования, то плакали его планы покорения мира. Он мерил камеру нервными шагами, наблюдая за тем, как по мере прохождения медицинского освидетельствования задержанные один за другим отправлялись домой. Похоже, наркотики в моче подтвердились только у двоих. Но их тоже отпустили, наскоро оформив административный штраф.

Двое сотрудников, на которых скинули бумажную работу, не сильно торопились. Свету стоило больших усилий сохранять хладнокровие. Никита уже наворотил дел, обострять ситуацию глупо – не в том они положении, чтобы лезть на рожон и отстаивать свои права. Нарываться не надо.

На Никиту было жалко смотреть. Он сидел на лавке, упершись локтями в колени и обхватив голову руками. Артем подавил в себе желание подойти и заговорить. Хоть убей, он не понимал причины его трагедии. Оставался только один вариант – друг соврал о том, что не принимал наркотики, и боялся разоблачения.

Наконец один из полицейских – малоподвижный, с недовольным, будто заспанным лицом, – вспомнил об их существовании и вручил им два стаканчика. В туалет отправили вместе с врачом.

Когда объявили результаты, удивился не только Артем, но и сотрудники полиции. Кристальная чистота. Похоже, Ники-

та и сам в это не верил.

– Теперь нам можно убираться? – осторожно поинтересовался Свет.

Заспанное Лицо о чем-то посоветовался с коллегой, поблагодарил и отпустил доктора, а затем повернулся к парням:

– Вы пока посидите. Мы еще не закончили.

– На каком основании вы нас задерживаете? – проснулся Никита.

– На основании попытки к бегству и сопротивления сотрудникам полиции. Вы подозреваетесь в причастности к распространению наркотических средств. – Заспанное Лицо толкнул их обратно в камеру и с видимым удовольствием повернул ключ в замке.

– Что за бред? – Никита пнул ногой решетку. – Вы не можете держать нас здесь больше трех часов!

Заспанное Лицо лучезарно улыбнулся.

– Мы имеем право задержать вас на срок до сорока восьми часов в связи с подозрением в совершении вами преступления, влекущего за собой наказание в виде лишения свободы.

Было очевидно, что сотрудники полиции и сами не верили в то, что говорят, – они попросту отыгрывались на парнях за неповиновение и дерзость. Артему было трудно винить их за это. На их месте он и сам бы воспользоваться служебным положением, если бы какой-то наглец строил из себя борца за свободу. Но черт побери, сидеть взаперти двое суток? У него работа и институт. И самое важное – до соревнований

уже меньше двенадцати часов.

– Придурок ты, Никита, – устало пробормотал Артем, усаживаясь на лавку. Резко навалилась апатия. Не хотелось ни спорить, ни доказывать что-либо. Зря он вообще решил участвовать в чемпионате. Всегда придерживался мнения, что паркур – не соревновательный спорт, что настоящий трейсер ничего никому не доказывает, а просто получает удовольствие от процесса. И поди ж ты, поддался на уговоры, поплыл по течению. Логикой понимал, что так правильно, но внутри все равно противился. Вот и результат. Подсознательное вылезло наружу и устроило диверсию.

– Прости, Темыч. Прости. – Товарищ присел рядом и тяжело вздохнул. – Я виноват.

– Вон им это скажи. – Свет откинулся назад, прислонившись спиной к прохладной стене, и закрыл глаза.

– Да плевать мне на них. Я перед тобой виноват и прошу прощения. Машинально дернулся, запаниковал. Не люблю ментов.

– Проехали.

– И родакам не позвонишь, блин, – шепотом возмутился Никита. – Батя, если узнает, приедет на хрен и машину заберет.

Никита понимал, как нелепо выглядело со стороны его поведение. Ему еще придется напрячь фантазию, чтобы озвучить другу более внятное объяснение. Ведь не скажешь ему правду, не поймет. Нравоучения начнет читать, затеет спаса-

тельную операцию. А спасать-то не от чего. Подумаешь, пару раз в неделю закинуться допингом. С такой работой, как у него, иначе не получится. Он до утра диджеит, ему отрыв нужен.

Вместо того, чтобы ловить настоящих преступников, менты гоняют обдолбанных подростков! Если уж на то пошло, то кому они мешают? Разрушают свою собственную жизнь, и ничью больше. В таком случае курильщиков сигарет тоже нужно арестовывать. Табак тоже яд.

Самое обидное, что его вообще ни за что замели. У него и зависимости нет, балуется мелочевкой, и то редко. Но кого это волнует? Пробы все равно дали бы положительный результат. Никите было страшно представить, как бы отреагировали родители. Лишили бы материальной поддержки, упекли в клинику. Когда в клуб явилась проверка, трудно было не запаниковать.

Никита, конечно, слышал истории, что наркотесты иногда выдают ошибку – раз из тысячи случаев. Но даже не мечтал, что ему повезет. Все складывалось удачно, за исключением вставших в позу полицейских. И именно сейчас, в самый неподходящий момент!

Ночь тянулась медленно. К утру Артему удалось ненадолго задремать, но пришла новая смена, затрезвонили телефоны, и заснуть уже не получалось. От твердой скамьи ныли мышцы, хотелось принять душ и поесть. Никита предпринял попытку договориться, но его словно не замечали.

– Это ненормально. То, что происходит, – ненормально. – Никита потер покрасневшие глаза – яркая лампа раздражала и давила на психику. – Кормить они нас не собираются?

– Я слышал про одного шведа, который провел в занесенной снегом машине два месяца без еды, – успокоил его Свет.

– Спасибо, мне сразу полегчало, – мрачно процедил Никита. Он давно не чувствовал себя так паршиво. Злость на самого себя клокотала внутри и не находила выхода. Было стыдно перед Артемом. Если друг пропустит из-за него соревнования, как ему в глаза смотреть?

Настенные часы показывали десять утра. Заспанное Лицо, проторчавший всю ночь в кабинете, домой, похоже, не собирался. Зазвонил телефон, он поднял трубку и куда-то вышел. Отсутствовал минут пятнадцать, а когда вернулся, выглядел бодрым и практически счастливым.

– Ладно, можете идти, – сообщил он парням, открывая дверь. – И впредь не нападайте на представителей закона.

Выяснять причины внезапного милосердия друзья не стали, поспешив унести ноги из проклятого здания. На улице их ждала Полина.

– Живы, идиоты? – поздоровалась она.

– Полимер, что ты тут делаешь? – удивился Никита.

– А ты как думаешь? Мы договорились встретиться в клубе, я пришла, вас нет, народу мало. Поспрашивала, узнала, что наркоконтроль забрал кого-то. Вы трубки не берете, ну я и прикинула. Пока выяснила, куда вас увезли, несколько ча-

сов прошло. – Подруга сделала паузу и ткнула Артема пальцем в плечо: – А ты чего стоишь, рот разинув? Беги домой, переодевайся. У тебя отборочный после обеда. Еще поспать часик успеешь. И попробуй только проиграть! Зря, что ли, я свой айфон пожертвовала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.